В. Г. Костомаров

Жизнь языка

ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ КОСТОМАРОВ — член-корреспондент Академии педагогических наук СССР, доктор филологических наук, профессор. Родился в 1930 г., окончил Московский государственный институт иностранных языков им. М. Тореза и одновременно, экстерном, филологический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Занимается стилистикой и лексикологией русского языка, социолингвистикой, методикой преподавания русского языка иностранцам. С 1966 г. директор Института русского языка им. А. С. Пушкина. Генеральный секретарь Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ).

Среди книг, опубликованных В. Г. Костомаровым, — «Культура речи и стиль» (1960), «Русский язык на газетной полосе» (1971), «Русский язык среди других языков мира» (1975) и др. Автор и редактор многих учебников русского языка для иностранцев.

Лауреат Государственной премии СССР (1979) и Премии Н. К. Крупской (1980). Почетный доктор Берлинского университета им. Гумбольдта и Братиславского университета им. Я. А. Коменского.

В. Г. Костомаров

Библиотечка
Детской
энциклопедии

Жизнь языка

Москва
«Педагогика», 1984

ББК 81
К72

Рецензент
доктор филологических наук
В. В. Иванов

Костомаров В. Г.
К72 Жизнь языка. — М.: Педагогика, 1984. — 144 с., ил. — (Б-чка Дет. энциклопедии «Ученые — школьнику»).
40 коп.

Книга известного советского филолога члена-корреспондента АПН СССР В. Г. Костомарова посвящена интересной и важной проблеме — эволюции русского языка. В популярной форме автор рассказывает о том, как и почему изменяется наш язык, как в языке отражается история народа.
Книга призвана воспитать у учащихся чувство гордости за свой родной язык, поможет при изучении школьной программы по русскому языку.
Для старшеклассников.

К $\frac{4306000000-025}{005(01)-84}$ 53-84

ББК 81
4

К читателям

Волшебства на свете не бывает. А иногда хочется, чтобы было. Пусть самая обыденная для фантастов машина времени... Она просто необходима, если хочешь совершить путешествие в глубь минувших веков, вообразить давно отшумевшие события.

И вот, желая повести читателя от нынешнего русского языка к прошедшим его состояниям, автор призвал на помощь придуманную школьницу. Он снабдил ее сказочным талисманом — Гривной, которой поручил роль гида, комментатора явлений. Глазами этих вымышленных героев ретроспективно показывается развитие русского языка, как письменного литературного, так и живого разговорного. Они оба равно связаны с историческими судьбами русского народа, определены ими и им служат. Связь истории языка с историей народа этого языка неразрывна.

Автор попытался нарисовать синтетическую историю языка русского народа, развертывая ее от современности к древности. Идти, так сказать, от знакомого к тому, что когда-то было и что большинству людей сейчас неизвестно. Именно так он хотел расширить кругозор молодых читателей, привить им естественную, важную, но часто забываемую мысль, патриотическую мысль о том, что мы сами, как и наш язык,— какой-то итог предшествующего развития. Не зная, что было, из чего все вышло, не найдешь себя и не создашь грядущего.

Думая так, автор пытался изобразить реакцию своей героини — школьницы конца XX в. — на те картины русской жизни и русского языка, которые по его воле встают перед ней. Ее все удивляет, кое-

что нравится, кое-что вызывает смех и раздражение, что-то просто непонятно. Постепенно она начинает многое понимать и оценивать исторически и... критически. Именно такое вдумчивое отношение к своей речи способно повысить культуру слова.

Обязательная черта советского человека — любовное, разумное, аккуратное обращение с русским языком, теперь признанным и авторитетным во всем мире, среди всех народов, изучающих его, пользующихся им и, естественно, взирающих на русских, для кого он родной, как на образец для подражания.

Получается, что умелое пользование русским языком — уже не только национальный, патриотический, но и интернациональный, общечеловеческий долг. Об этом нельзя забывать ни на уроке в школе, ни в разговоре с приятелями, ни дома, ни на улице. Нельзя об этом забывать ни писателю, ни инженеру, ни артисту, ни водителю автобуса...

Бессмертный Язык и смертные языки

— А Воробьева открытие сделала: пишет *каТка с фикусом* — от *кататься,* а не от древнего *кадь!* Вспомни пословицу *Была бы мука да кадушка, а по воду сам схожу...*

Настя снова ощутила обиду. Откуда знать непонятную поговорку, кто эту *кадь, кадочку* в глаза видел? В краеведческий музей, что ли, идти? Напиши не ту букву — и крику не оберешься, будто язык из-за этого помер. Чудные они, филологи. Выдумали какую-то нелепую жизнь языка. Жизнь — век от рождения до смерти, а разве язык появляется и исчезает? «Дерзкий на язык», «лишиться языка», «дать волю языку», «ломать язык», «язык не слушается», «корявый и изящный», «бедный и богатый язык» — это, наверно, способность говорить. Все люди на свете умеют говорить. «Мыслящий человек — человек говорящий». Значит, язык бессмертен. Вечен, как, раз возникнув, человек, лес, заросшее деревьями пространство.

Настя неожиданно задумалась. В действительности-то есть отдельные, приходящие и уходящие дети и старики, мужчины и женщины, немцы, узбеки. Есть хвойный, смешанный, корабельный, молодой и старый, вырубленный и вновь посаженный лес. Видно, и Язык (Настя мысленно изобразила его с прописной буквы) выходит наружу меняющимся множеством конкретных языков. Слово со строчной буквы имеет множественное число: английский, греческий, татарский, иностранный, родной языки.

Языки связаны с говорящими на них людьми, с народами, странами, а Язык — с Человеком, созидающим его разумом и коллективным трудом. Настю пронзил открывшийся вдруг смысл затверженных

на уроках классических формул: «важнейшее средство общения и мышления»; «непосредственная действительность мысли»; «так же древен, как и сознание». И в то же время «признак нации». Язык — всеобщая и самая человеческая способность мыслить и общаться воплощается в различных языках — орудиях, устройствах. Он бессмертен как человечество; они же зависят от судьбы племени, народности, нации, от условий их жизни и истории.

Настя увлеклась логикой рассуждения: языки живут в буквальном смысле — рождаются, мужают, стареют. Когда творил Гомер, английского не было в помине. Теперь, наоборот, по-древнегречески никто не говорит, это мертвый язык. А русский? Ей очень захотелось узнать, как произошел, жил русский язык, сильно ли менялся с возрастом, постарел ли сейчас. И она отправилась в университетский лекторий «Филологи — школьникам» на лекцию «Как и почему менялся наш язык».

Лектор начал с того, что русские происходят от славян, которые все когда-то говорили на одном языке. Относительно одном, потому что этот праславянский язык был внутренне неоднородным. С расселением славян на все бóльших территориях единство вообще разрушилось. Новые условия обитания рождали разные слова, произношение попадало под влияние разноязычных соседей, географическая разобщенность даже общие тенденции направляла по неодинаковым путям. Все это происходило тем легче, что язык жил в устной форме, не фиксировался, не упорядочивался: первобытные славяне не знали письменности. Различия в фонетике, словаре, грамматике стали такими, что славяне перестали понимать друг друга: праславянский язык умер, расколовшись на новые языки, из которых нас интересует восточнославянский, называемый обычно древнерусским.

Разные языки — страшная угроза утраты уз кровного родства, и патриотически настроенные ревнители славянства предприняли дерзновенную попытку (не без религиозной подоплеки) восстановить взаимопонимание. 24 мая 863 г. в граде Плиске, тогдашней столице Болгарии, солуньские братья Кирилл и Мефодий провозгласили изобретение славянской азбуки. Идеалисты, они шли против природы и хода истории, но замысел их был великолепен, труд поразителен, а результаты выше самых смелых ожиданий. Претерпев ряд изменений, кириллица живет и по сей день у нас, болгар, сербов и других народов. Еще удивительнее роль, которую сыграл в славянском мире закрепленный ею рукотворный язык, получивший название СЛОВѢНЬСКЪ — словенский, церковнославянский, старославянский.

Детище мудрецов, этот книжный язык не был механической записью древнеболгарского — одного из новых славянских языков, развившегося на юге и взятого за основу, ни тем более оживлением и письменным закреплением забываемого праславянского. Первоучители славян старательно отбирали *краснейшие слова* у разных славянских народов, по возможности понятные всем славянам. В ходе переводов византийско-греческих богослужебных книг они не просто передавали понятия, но мастерски творя их, приспосабливали язык к отвлеченным рассуждениям, выразительным описаниям, повествованиям.

Естественное и искусственное творение, этот язык был по замыслу священно-ученым. Как средство живого общения он если существовал, то весьма условно. И конечно, не объединил он славян, но своевременно и уместно напомнил им о родстве и приобщил их к богатству античной культуры. Его успех не столько в возрождении общих черт, сколько именно в *устроении:* ведь славянские языки в бесписьменной доистории были без порядка, стройности, устой-

чивости. Не зря чтут Кирилла и Мефодия в Болгарии, где ежегодно 24 мая устраивается фестиваль письменности и культуры — праздник в их честь и где учрежден правительственный орден их имени.

Восточный и другие наследники праславянского языка развивались вполне самостоятельно. Как часто бывает, каждый унаследовал разные черты родителя, приобрел собственный опыт. Роль славянской книжности в жизни древнерусского языка бы-

ла значительной, будто не замечалось южное ее происхождение, но она не подавила его самобытности и даже дала ему мощный толчок. Ученые сравнивают культурную миссию книжного языка в истории природного русского языка с прививкой плодового дерева: дичок-подвой сразу стал от нее плодоносящим растением, когда привой-черенок, веточка благородной яблони срослась с ним в едином организме.

До XVII в. славянская книжность служила у нас основой научной и даже художественной письменности, она пронизывает язык шедевра мировой литературы «Слово о полку Игореве». Вопреки, казалось бы, здравому смыслу она переживает бурный расцвет в Московской Руси: когда *устроение церковное* и *исправление книжное* были возведены в ранг первейшей государственной важности. Ее взаимодействие с живой русской речью было сутью становления современного литературного языка — в эпоху Петра Великого, в переломном XVIII в., в деятельности А. С. Пушкина и последующих писателей-классиков.

В то же время славянская книжность уже в составе древнерусского языка была оторвана от жизни и, в отличие от бурно менявшейся восточнославянской речи, внутренне не развивалась. В XVI в. книжные слова и формы надо было специально учить. Разрыв между собственно русским языком и книжным стал драматичным: возникло двуязычие. Лишь в долгих муках защиты народности и повседневных нужд против ревнительства святой старины сложился наш современный язык. Книжный же образец, от природы архаичный и стремящийся к неподвижности, начавший омертвлять все живое, превратился в культовый, обрядовый жаргон церкви.

Древнерусский язык развивался по своим зако-

нам, реализуя, как всякий другой нормальный язык, по-своему заложенные в нем потенции. Копя новшества, он превратился в язык великорусской народности, а затем в современный русский язык, на котором мы с вами говорим.

— Почему наступают в языке изменения? — Лектор сделал многозначительную паузу. Потом торжествующе изрек: — Потому что язык есть система, в которой заложена антисистема! Противоборствуя, они совмещаются или уступают друг другу, создавая то, чего не было. Машина ломается, если в ней возникает противоречие; вечно преодолеваемые противоречия только и обеспечивают равновесие частей и целого в языке.

В нашей фонетике, например, исстари появилась тенденция к сокращению числа гласных. Со временем стало возможно не различать безударные: вАда́, въдАво́з вместо вОда́, вОдОво́з (как бАра́н), гъвАри́ть, го́ръд — вплоть до их исчезновения: ко́лък(Ъ)л, кьл(Ъ)кАла́. Это аканье утвердилось в XVI в., хотя орфография хранит память об ушедшей системе и не зря: на севере и сегодня окают, да и мы нередко произносим сОне́т, пОэти́ческий, а не сАне́т, пъэти́ческий. М. В. Ломоносов писал: «Выговор буквы *О* без ударения как *А* много приятнее; но от того московские уроженцы, а больше те, которые немного и невнимательно читать учились, в правописании часто погрешают, пишучи *А* вместо *О*: *хачу* вместо *хочу*, *гавари* вместо *говори*».

В 1917 г. отменена буква Ѣ (ять), обозначавшая собой не сливавшийся с *Е* звук. Еще Ломоносов требовал «в *Е* дебелости, в *Ѣ* тонкости», а Сумароков улавливал, что «*Ѣ* всегда несколько в *И* вшибается». Нынешнее *Е* разно ведет себя под ударением перед твердым согласным, то изменяясь в *О* (*несу — нёс, жена — жён* или как в *лён, пёс*, у которых в формах — «беглое» *Е*: *льна, пса*), то не изменя-

ясь: *лес — леса, дело.* В последних словах писалось Ѣ, и они в говорах до сих пор произносятся как *лиес, диело*, (а в украинском и пишутся *ліс, діло*).

Исчезли и другие гласные, а элементарность системы оставшихся компенсировалась другой врожденной тенденцией — увеличением числа согласных. Перед передними гласными они стали произноситься со сдвигом языка к твердому нёбу будто для выговора *Й* (йота, и краткого). Возникает мягкий оттенок, создающий из каждого сочетания пару: *б—бь, п—пь...* Не придумав парных букв, мы обозначаем мягкость знаком *Ь* или ставя особые формы букв для гласных за согласными *Ю, Я, Е* или *Ё*.

В глубокой древности смягчение, не ограничиваясь призвуком, совсем преобразовало согласный; так появились *Ш, Ж, Ц* (твердыми они стали позже, чего, между прочим, не заметила наша орфография: пишем *шило, жизнь,* а не *шыло, жызнь.* Так же и *тушь* — будто тут *Ш* произносим не так, как в слове *туш!)* и *Ч*, которых искони не было. *ГреК — греЦкий — греЧеский* напоминают, что *К* превращался в *Ц (кесарь — цесарь),* а еще раньше в *Ч (плакать — плачет),* которое получилось из *Т (свеТ — свеЧа).* Звук *Ш* произошел от *С (пиСать — пиШу)* и от *Х (суХой — суШь).* Возникая, новые звуки были неопределенно-промежуточными. Сегодня их можно вообразить на примере *дождь:* жжь—щ—жьдь—ждь.

Древняя система звуков преобразилась в новую. Это меняло облик слов и формы их изменения.

Почему у нас не все так, как даже у близкородственных украинцев? Чистая случайность? Разная мера влияния славянской книжности? Или от лесных просторов, суровой зимы идет певучее аканье? Или язык чувашей, других волжских народов — его источник?.. Изменения языка так непрямо связаны с национальным характером, с природой, событиями

истории и культуры, что лучше признать: просто такой уж он, русский язык.

Внешние причины ускоряют или тормозят борьбу системы и антисистемы. Они, скажем, сдерживают стремление немногих глаголов вроде *пахать — пашет* к регулярности по образцу массы глаголов *(читать — читает)*. Вы, конечно, считаете *пахает* вместо *пашет* недопустимым, признаете правильным и *движет*, и *двигает*. А как надо *полоскает* или *полощет? Мяукает* или *мяучит? Помаши* или *помахай?*

Сознательная охрана культурной традиции обществом, вооруженным радио и телевидением, всеобщим образованием, с осторожной осмотрительностью допускает новшества даже в словарь. Вряд ли развитие национального литературного языка сводится к тому, что он все меньше развивается, но, несомненно, раньше система языка была более проницаема, испытывала глубокие преобразования на сравнительно коротких отрезках времени. Общественные ситуации, в которых язык используется, функции, которые он выполняет, стимулируют перестройку, но она идет по внутренним законам языка.

Так, на месте четырех прошедших времен глагола (имперфект: *знаах, знааше;* аорист: *знах, зна;* перфект: *есмь знал, еси знал;* плюсквамперфект: *бях знал, бяше знал* или *есмь был знал)* осталось лишь причастие, употребляемое без связки во всех значениях. Этим устранилась асимметрия развитых прошедших времен и нерасчлененного настоящего-будущего. Еще заметнее развертывание противоречия, связанного с выражением характера протекания действия. Поясним это так. *Приеха на место идеже лежахуть кости его* — простое длительное действие в прошлом, а *идеже бяху лежаще* — действие, свершившееся ранее другого в прошлом. Что важнее: расстановка действий во времени или их харак-

тер (*лежат*, ибо положены)? Русским оказалась важнее законченность, результативность или, напротив, длительность, повторяемость, а не хронология. Они выработали словарные пары вроде *бросати — бросити, читати — прочитати*, которые брали на себя оттенки, выражавшиеся временами менее четко. Заложив фундамент особой категории вида, они отбросили как излишнее различие прошедших времен.

Раньше всего и бесследно утратился имперфект. Аорист употреблялся дольше и сейчас напоминает о себе формой *возьми да скажи*, случайно совпавшей с повелительной; плюсквамперфект жил до XVI в., и остатки его сохранились в сочетаниях *жил-был, чуть было не закричал, хотел было сказать*. Иногда древние формы живут в выражениях: *одним махом семерых убивахом*. Перфект, утратив вспомогательный глагол быть, который с отпадением связки и в именном сказуемом потерял спряжение (*есмь, еси, есть, есмы, есте, суть*; живы *есть* и отчасти *суть*), дал современное прошедшее время: *откуда есть пошла русская земля* — откуда пошла. Параллельно с этими утратами все четче оформлялся вид. Наряду с парами типа *обновить — обновлять* бурно развивается приставочное глаголообразование (*делать — сделать, писать — написать*), формируются соотношения *косить — выкосить — выкашивать*.

Эти процессы не повторяли развития социальной действительности: она лишь не мешала развертыванию потенций самой материи языка, порой стимулировала их.

Но в языке есть одна область, где связь изменений с явлениями, лежащими вне языка, очевидна. Это словарь: исчезла древняя община — и ушло ее название *вервь*, появился новый орган власти — и с ним слово *совет*. Вещи и слова — интересное соотношение, непосредственно приводящее в дейст-

вие словообразование, заимствование, переосмысление и иные процессы. Отсюда нередко проистекают перемены и в грамматике. Названия лиц, переносимые на механизмы, расшатывают, скажем, категорию одушевленности: *вижу спутник, сломал дворник* — о космическом корабле, о стеклоочистителе.

Правомерен вопрос: является ли развитие языка поступательным движением, становится ли он, изменяясь, лучше? Был бы русский язык хуже, если б в его основу лег говор не Москвы, а, скажем, Новгорода? Сохранив оканье, мы имели бы меньше орфографических ошибок. При всей самобытности глагольного вида нельзя не признать, что выражаемые им оттенки мысли можно изобразить и формами времени. Пожалуй, только обогащение словаря — бесспорное совершенствование.

Изменений много. Некоторые ведут к прогрессу — относительному, когда просто упорядочивается, упрощается сам язык, и абсолютному, когда он приводится в большее соответствие с нуждами мышления и общения. Устранение исключений в спряжении глаголов на *-ать* улучшает систему, но лучше ли она от этого для формирования мысли и ее передачи? В замкнутых подсистемах абсолютный прогресс языка как действительности мысли и сознания, как орудия общения сомнителен, спорен. В качестве примера приводят обычно утрату двойственного числа, имевшего особое склонение и спряжение.

Лектор спроецировал на экран устрашающую по сложности таблицу древнерусского склонения и спряжения. Водя указкой, читал: *та добрая плода, тою доброю плоду, тема добрыма плодома...; ва знаете, знаста, еста знала...* Это не множественное число! *Бока, берега, рукава* мы осмысляем сейчас как множественное число и даже по аналогии говорим *дома, города, трактора.* На самом деле это двойственное число, настоящая древняя форма множественного

числа хранится в обороте *руки в боки.* В среднем роде оно оканчивалось на *И,* а множественное — на *А;* поэтому *уши, плечи, очи* — если два, а если больше, то, как еще у Пушкина: *И первым снегом с кровли бани Умыть лицо, плеча и грудь.*

Двойственное число отражает первобытные представления: один — два — больше двух. Отвлеченно-математическое понятие единицы и множества, соотношение *один — не один,* фиксируясь в языке, привело к его утрате. Если язык — ви́дение мира, движимое выбором и свободой, то закрепление определенного варианта выражения среди других надо признать более точным соответствием языка действительности. Тогда утрата двойственного числа рисуется новшеством развивающегося абстрактного мышления, облегчающим оформление мыслей и обмен ими.

Только стал ли от этого язык лучше? Лектор усмехнулся: ведь уходя, двойственное число оставило нелогичный родительный падеж после слов *два, две, три, четыре* (на деле это именительный двойственного), который во множественном числе естественен, ибо другие числительные были существительными, как ныне *десяток, дюжина, сотня, тысяча.*

Жизнь языка — это и драма языка. Однозначно истолковать даже утрату двойственного числа как прогресс трудно. У каждого поколения свой мир понятий, которому соответствует и язык.

Вот курьез, показывающий, что предки не глупее нас, хотя думали не так, как мы. Летописец о захвате вещим Олегом Киева сообщает: *придоста к горам киевским.* Почему не *приде?* Описка? Разыскания показали, что нет, написано именно то, что нужно. Дело в том, что при Олеге был малолетний князь Игорь — в глазах древних поход возглавляли двое. Как видите, язык всегда совершенен для общества, которое обслуживает. Это нам иногда не хочется по-

нять чужой логики и кажется, что язык хуже, неразвитее. Это не только по отношению к ушедшим, но и нынешним народам и языкам!

Современный русский язык обслуживает передовое советское общество; он совершенен и перестраивается неохотно, лишь обогащая словарь и стилистику. Его характеризует упорядоченность фонетики и грамматики, строго обязательные нормы, например орфографические правила. Ведь это исторически сложившийся, умом и трудом поколений обработанный литературно-национальный язык великого народа.

Нормы литературного языка цементируют речь всего общества и противостоят диалектному и индивидуальному многообразию. Они происходят не из интуитивного представления о правильности, а из сознательной кодификации в словарях, грамматиках. В школе за нарушение нормы наказывают двойкой! Допускаемая вариативность норм обычно не избыточна, привязана к стилю, к смыслу. Норма опирается на массовое и регулярное употребление, на авторитеты, на научные исследования. Суть литературного языка в стабильности, а норма двойственна, ибо и предписана речевой практике, и из нее, собственно, извлечена. Еще Ломоносов заметил, что хотя грамматика «от общего употребления языка происходит, однако правилами своими показывает путь самому употреблению». Норма имеет разную крепость (строга в орфографии, либеральна в произношении) и разный характер (один — в морфологии, совсем иной — в стилистике, где вообще заменяется общими ориентациями, следованием лучшим образцам).

И все же все нормы подвержены влиянию, прежде всего влиянию свободной и прихотливой, раскованной разговорной речи. Велика и роль поэтов, писателей, допускающих отклонения от норм в речи персонажей, в словотворчестве, в создании «своего

языка» в интересах идейно-изобразительского замысла. Свои особенности имеют и входящие в литературный язык «языки» науки, делопроизводства и других сфер. Норма питается и обычаем, и живым употреблением; поэтому и современный литературный язык пусть замедленно и осмотрительно, но меняется.

Настя устала. Очень уж все заумно. Распространение грамотности ведет к отказу от чересчур сложной языковой ситуации. Или наоборот? Развитость литературного языка заключается в его усложненности... Но тут лектор как раз и закончил: спасибо за внимание, надеюсь, что некоторые из вас увлеклись проблемами жизни языка...

Надежда лектора сбылась. Мертвые формы засели в голове, захотелось сочинять: *аз есмь была в школе ся учила.* Плюсквамперфект, потому что *давнопрошедшим утром. До того как в МГУ бежах и лекцию слушаах.* Нет, лучше аорист *бегох* и *слушах,* а не имперфект: ведь *побежала, прослушала,* а не *бежала, слушала.* Про двойственное число тоже славно: *моя родителя еста уехаща аще квартире аз есмь едина.* Блеск!

Чтобы не ошибиться, Настя полезла в энциклопедию, полистала учебник истории русского языка. В нем ее очаровала своей непостижимостью фраза о развитии языка — «прерывистая непрерывность». Говорилось о праславянском, древнерусском, книжно-славянском, старорусском, современном русском языках — и все это в одном родном языке! Много интересного, но не поняла: как это язык, изменяясь, перестает быть самим собой? Сейчас русский язык иной, чем прежде?

Неужто я не поняла бы прямых своих предков? Одноклассница Халима своих, ясное дело, не поймет: по-таджикски она не знает. Ее семья, переехав в Москву, говорит по-русски, а оставшиеся на Пами-

ре старики родственники говорят по-таджикски. Воробьевы же ниоткуда никогда не приезжали, они всегда в Москве жили, с незапамятных времен. Папа прикидывал: 28 поколений извечно рождались и жили здесь, пусть роднясь с приезжими или отлучаясь ненадолго. Мы были москвичами, когда и Москвы еще не было.

Порывшись в отцовском столе, Настя извлекла допотопный тяжелый обруч. Если верить папе, он из серебра, очень старинный и как-то смешно называется, да — гривна: потому что носили как украшение, на шее, на загривке. Делали их из римских монет или византийских, арабских. Привозимые из дальних стран, они были для древних славян скорее сырьем для украшений, чем средством накопления и торговли. Какой-то Настин прародитель этот шейный обруч выковал, и Воробьевы его по наследству из рода в род передавали.

Она представила себе: пращур вручает его предку помоложе. Лопочет себе по-древнерусски, борода у него трясется от негодования, потому что младший его не понимает.

Ясное дело, папа не скажет *кайф, не сечет, возникает, по ящику передавали,* а дед этого бы вообще не понял, как мы забыли родные ему *примус, керогаз, репродуктор.* Не было радио, телевизора, метро, транзисторов и магнитофонов. Ушли ненужные звуки, что-то изменилось в грамматике. Из-за этих мелочей язык перестал, как выразился лектор, быть идентичным самому себе?

Тут Настя вспомнила, как трудно узнавать слова, когда их украинцы по-своему произносят: *готель, вулиця, площа, вона не може вас проводжати.* И признав, что *мисто* — это *место,* поди догадайся, что это еще и *город*. Многих слов у нас вообще нет: *зупинка автобусу, працювати, радянський, перемога.* Настя, когда с папой в Киев ездила, мало что понимала.

Непривычных звуковых обличий, форм, слов не меньше, видно, и в древнерусском языке. Значит, в непрерывной цепи коренных москвичей в разное время был разный язык? Неужели было такое, что некий Воробьев-внук перестал вдруг понимать своего деда или прадеда?

Настя вопрошающе потерла обруч, свидетель рода. Поласкала, погладила: гривна, гривенка. Надела обруч себе на шею и... уловила глуховатый голос, словно бы пришедший из глубин веков:

— Русский язык один и тот же. Как земля, река, лес. Как Москва. Но разве нынешняя восьмимиллионная столица такая же, что и *мал деревян град*, в котором князь Юрий Долгорукий пировал со своим союзником? Она постоянно меняется, оставаясь Москвой. Ее жители всегда ощущали, что живут в том же городе, хотя сносили старые, строили новые здания: она ведь не сразу строилась! Любые Воробьевы, жившие одновременно, понимали друг друга и то, что написали умершие до их рождения далекие родственники. Что-то терялось, что-то появлялось в речи каждого нового Воробьева, но таким темпом, что не мешало взаимопониманию.

Вернувшись в родной город после долгой отлучки, москвич восклицает: Москву не узнать! Пока на глазах возникает новое, сосуществует со старым, живущим века, и устраняемым, обветшалым, удивления нет: Москва как Москва. Переход из одного состояния в другое не одномоментный взрыв, а преемственное накопление новшеств в отдельных местах, даже в эпохи стремительной перестройки.

Новое качество обнаруживаешь, лишь сравнив удаленные друг от друга моменты. Современный язык начался не в 1750 г., хотя ясно, что в конце XVIII в. он уже был, а в начале, при Петре I, его еще не было.

Живя вместе, мы не замечаем, как меняемся, но

ты можешь не узнать одноклассника, когда встретишь его через лет десять после выпускного бала. И мы сейчас не можем читать свободно написанное даже в XVII в., а чтобы прочесть рукописи старше XIV в., надо специально учиться. Трудность тут не в старой азбуке, а в непонимании языка. И все-таки это один и тот же русский язык.

Для непрерывного опознания языка надо сличать его не реже, чем раз в 60—100 лет, — таков, как утверждают ученые, наблюдающие смену биологических и социальных поколений, примерно период, на протяжении которого язык кажется неизменным.

Преобразование языка не есть старение. Его жизнь — «непрерывная прерывистость», а сам он — «прерывистая непрерывность». Каждый его элемент одновременно развивается, что замечают последующие поколения — когда он совсем изменится, и неизменно функционирует — когда его движение незаметно для пользующихся им. Язык еще маскирует сдвиги устойчивой сбалансированностью всех своих элементов. К тому же отрезки реального общения удлиняются: люди дольше живут и сознательно замедляют скорость языкового изменения, чтобы не терять доступ к ценным книгам, теперь и звукозаписям от уходящих поколений.

— Так я пойму или нет своих предков? — подумала Настя, освоившаяся с волшебством и сбитая с толку рассуждениями.

Голос объяснил-озадачил:

— Тут еще проблема отцов и детей. По условиям жизни, образу мыслей, интересам ты ближе к сегодняшней венгерке, чем к древнерусской девице. Вспомни лектора: у каждой эпохи свой взгляд на вещи. Прихоти царского двора, набеги врагов и пожары, в которых город то и дело выгорал дотла, мор и голод, запасы дров и еды на зиму — сотни тем, составлявших содержание общения, ничтожны и чужды для потом-

ков древних москвичей, обсуждающих сообщения газет и программы «Время», покупающих свежий хлеб в магазине и вызывающих по телефону слесаря, если случится перебой в водоснабжении.

— Неужто так уж и не о чем нам поговорить, встреться я по волшебству с предком?

— Почему, нашлись бы темы! — успокоила Настю Гривна. — Время идет рядом, но его не видно. Все на него оглядываются, оно ни на кого не смотрит. Всему свое время, и у каждого свои песни, свой язык. У предков нет того, что есть у нас. У нас не все, что было у них. Язык мудро отбирает народный опыт и вкус: из *комбата, комлата, конбната, кондата* живет лишь *комната*.

Но есть и вечное. Национальное единство и гордость, без которых нет преемственности и великой культуры, не волнуют лишь «иванов, не помнящих родства». Москвичи Воробьевы — однолюбы, всегда бережно хранили память и преданность Родине. Они заслужили для правнучки роскошь исполнений желаний. Хранитель рода может свести тебя с любым предком, в собственности которого находился. Сама и убедишься, понятен ли тебе их язык, есть ли общие темы разговора.

Только условие: они не могут тебя видеть и говорить с тобой. Им не дано знать, что известно тебе. Вопрос, могут ли они понять тебя, останется без ответа.

Будем останавливаться, где интереснее, хоть раз в столетие, чтобы увидеть, послушать русский язык на разных этапах его истории... Вперед, т. е. вниз по лестнице, веками ведшей вверх!

И вот Настя на Николаевском вокзале прошлого века, рядом с журналистом Воробьевым, который встречает приятеля из Петербурга. Вокзал снаружи тот же, что нынешний Ленинградский, но на площади он один, а вокруг какие-то склады, вереницы извозчиков.

Современный язык: от наших дней до Пушкина

Незримо следуя за своим прапрадедом и его другом, Настя слишком поглощена видом родного города лет за сто до ее рождения, чтобы вникать в их беседу. Пролетка обгоняет линейки — общественные экипажи с сиденьями сбоку, трясясь по булыжным улицам, которые узнаются по расположению и отдельным зданиям. Это вот улица Кирова, только называется Мясницкой, деловая, пестрит вывесками; у знакомого почтамта контора дилижансов. Площадь Дзержинского — Лубянская. Охотный ряд с главным рынком Москвы...

Но даже Кремль выглядит странно без рубиновых звезд на башнях. Одеты люди в зипуны, армяки, женщины все больше в платках.

По Воздвиженке приехали на Арбат в гостиницу «Гунибъ». Настя без труда читает надписи: папа давно показал ей эти яти и еры, рассказал, например, что *мир* значит отсутствие войны, покой, согласие, а если через десятеричное, а не восьмеричное написать — *мiр*, то вселенная, земля. Заглавие поэмы «Война и мiр» Маяковский задумал в противовес толстовскому «Война и мир». Теперь мы этого не чувствуем, как и разницу между *всем миром* и *одним миром мазаны* — второе через ижицу (*мѵро*, т. е. благовонное масло). Жаль! Настя вслушалась, когда прапрадед полюбопытствовал узнать, что в столице думают о языке, якобы расслаивающемся на художественный, деловой и научный.

— Да-с, Государь мой, состав словесности меняется. Научная проза обретается в царстве культурного языка, но несводима к прозе изящной. Литература не только беллетристика, и общий язык не синоним художественного. Он шире, ибо, составляя костяк живописи словом, служит и прямой передаче мыслей

в официальной речи, технике, быту, имея для сего особые пласты. Он и у́же, ибо остается в установленных обычаем пределах, тогда как сочинители вовлекают для натуральной обрисовки персонажей все, что заблагорассудят, вплоть до воспроизведения ошибок.

Воробьев изволил согласиться, что промышленный переворот невозможен без замены вододействующей машины паровой, крепостного труда вольнонаемным. И язык отражает рост техники. Но разве следует отсюда, что *писатели* — врачи, инженеры пишут не как *сочинители?* Причем тут у́же, шире? Все при нужде выходят из канона в народную речь, жаргоны ремесел — по образцу Гоголя, иных лучших сочинителей, герои которых говорят натурально, как в жизни, но в то же время правильно.

Петербуржец попенял ему: *квасить кожи, ковать подковы* жаргона хватит. А управлять заводами, на которых работают тысячи работных людей? Пирогов, Чебышев, Грановский должны, подобно Лобачевскому, писать диссертации на латыни? Будем в барыше, если наш язык разовьет в себе язык технический. В нем, сударь, нуждаются грамотные люди, их даже в Москве теперь больше половины. Без него не прожить, нет-с!

— Разделить язык! — возмутилась Настя. — Из-за таких вот не разберешь сейчас простую инструкцию к электрощипцам для укладки волос. И Петербургом напрасно козыряет, знал бы, что в 1918 г. Москва опять столицей станет.

Предок был ей под стать:

— Русские довольно натерпелись от разноязычия! Худо, коль науке не прожить без жаргона для посвященных; для народа он будет столь же невнятен, что язык церкви. Не часть он культурного языка! Выделившись из единого потока письменности, светская литература отличалась охватом всей жизни, а

ее язык играл роль образца. Так уж случилось, что вырос наш общий язык в лоне беллетристики. Его и называть стали литературным. Ему развиваться неразрывно с реалистической литературой, словесно изображающей всю жизнь, учащей ее преобразовывать. Ему все по силам, это уже не тот язык, что непригоден был для идей трудных.

Лет сто тому назад ректор Московского университета впервые прочитал курс философии по-русски, а

не по-латыни. Он мудро считал, что изобилие российского языка таково, что пред нами римляне похвалиться не могут. Нет такой мысли, кою бы по-российски изъяснить было невозможно... Все пишущие по-русски обязаны пользоваться тем единым языком, который выкристаллизовали сочинители, художественно облагородив все лучшее, жизнеспособное из русских речевых ресурсов.

— *Кристаллизовать, ресурсы* — ехидно повторил гость. — Кто благородил такие слова? Иль достаточно поэту написать «Но панталоны, фрак, жилет, Всех этих слов на русском нет»? *Аппарат, вагон, рельс* пришли из профессиональной речи, доказывая, что она часть общего языка. Все обсуждают темы, интересовавшие ранее лишь ученое сословие, отчего общеизвестны *рефлексия, абстракция, хронический, парализовать*. Образуя язык в языке, термины выходят в общее употребление, обрастая переносными смыслами: *в зените славы, ноль внимания, точка опоры.*

Воробьев предостерег:

— Почтение публики к науке столь велико, что как бы не стали распространяться бредовые мысли, если выражены наподобие известных, действительно достойных ученых фраз. Научный язык, свойственная ему иностранщина станут ширмой скудоумия. Заветы основоположников взывают меня напомнить народные *ждет-пождёт, неправ кругом, знай колет, заведомо, битый час, надоедать, заядлый, неудачник* (впервые у И. А. Гончарова в «Обрыве»). Освященные авторитетом, приживаются даже диалектные *каравай, бирюк, тайга*. Получая в общем языке гражданство, они утверждают самобытность и чистоту, стальной скобой сбивая язык образованный и народный. Не должно мешать свободе мужицких слов; богатый и прекрасный наш язык пусть доступен будет людям всех состояний. Все они

делили славу Отечественной войны, не потерпели нашествия галлов, как предки — ига татарского. Не быть чужому владычеству и в священных пределах российской словесности. Таков завет детей 1812 года!

Настя аплодировала, забыв про *джинсы* и *дискотеки*. Вспомнились статьи, которые велели читать к сочинению: *реалии быта, продукт среды* и прочая заумь, сквозь которую со словарем не продерешься. *Красна девица, добрый молодец, очи соколиные, призадумался, играючи да пируючи, людская молвь и конский топ, есть разгуляться где на воле.* — Вот прелесть русского языка!

Петербуржец тем временем кивал собеседнику:

— Красиво для слуха русского, но блажен, кто верует! Как такими словами и оборотами серьезную статью написать? Взять труд доискаться научной истины?

— Очень просто! Чем плохи термины *шатун, коленчатый вал, поршень, пароход, промышленность?* Куда как проще из Европы словечко приволочь, но не выразит оно душу народную. «Минуй нас пуще всех печалей...» Пушкин звал учиться языку у московских просвирен, которые говорят удивительно чистым и правильным языком.

— Не учиться, а иногда прислушиваться! Не чистая монета эти запальчиво-полемические слова. Пушкин говорил: «Письменный язык оживляется поминутно выражениями, рождающимися в разговоре, но не должен отвлекаться от приобретенного им в течение веков. Писать единственно языком разговорным — значит не знать языка». Сам же обращался к *свежим вымыслам народным и странному просторечию, сначала презренному,* лишь когда в зрелой словесности *язык условленный, избранный* наскучит умам своим однообразием. Привлекал народные элементы с оглядкой, придавая им стилисти-

ческую нагрузку, и избегал непонятного, жаргонного.

Воробьев стоял на своем:

— Недостает у изустного слова важности для высоких материй, научных дел, так потрудитесь, поройтесь в старинных книгах, в которых одного корня богатство! Оттуда черпали гении средства к изображению сложных идей, революционных дум и чувств: *торжество, негодование, скрежет, непреодолимый.* По их образцу составили *мировоззрение, народность, беззаветный.* Сближаясь с живой речью, мощный свежий язык, о коем мечтали декабристы, весь в начертанном лоне старины: *ум, алчущий познаний, я одаль воссылал желанья... Тиран, вострепещи!.. О, как на лире я потщусь того прославить, Отечество мое, кто от тебя избавит!..*

Гость искренне изумился:

— Полагаете, так можно излагать науку? Истинный творец нашего языка не уравнивал своенравно книжный язык с русским: из того, что многое из славянщизны счастливо заимствовано общим обиходом, не следует, чтобы мы писали *да лобжет мя лобзанием* вместо *цалуй меня.* Но и разговорная речь не во всем удовлетворяет нужды общения. Вакуум заполняет иностранщина. Пушкина смешила мысль запретить «Бахчисарайский фонтан» из почтения к святыне Академического словаря и неблазно составленного слова *водомет!* Но еще пуще пугали его в первобытном нашем языке европейское жеманство и французская утонченность! Пушкин был против насильственного приноровления всего русского ко всему европейскому, но и не предавал анафеме любое заимствование. Он не хотел вздыхать по-английцки, любезничать по-французски, фантазировать по-немецки! Попасть в свою колею, стать на свою стезю. Он скрестил книжную речь с народной, но отнюдь не культивировал просторечие, диалекты, ограниченный язык высшего общества. Его народ-

ность исторична, это освоение всех пригодных и жизнеспособных средств из любых источников.

Из дальнейшего спора Настя узнала о славянофилах и западниках, о космополитах-карамзинистах с их новым слогом для дам-дворянок и о консервативно-националистических монархистах-шишковцах. Проза ровная, чистая, блестящая, не уступающая в выразительности и изящности лучшим образцам Европы, возникла впервые в «Бедной Лизе» и других сочинениях Н. М. Карамзина. Он сумел заохотить публику к утонченности (и слово введено им), к чтению русских книг.

Модный *новый слог*, сентиментализм привлек вниманием к внутреннему миру, чувствам человека. Изъясняться стали красиво, чувствительно, добиваясь *элеганса*, приятности. Разрабатывали синтаксис *неутомительных предложений*, перифраз, мета-

фор, удачных оборотов. Ведь девушка, имеющая вкус, не может ни сказать, ни написать в своем письме *колико,* а язык един для разговоров и для книг, чтобы писать, как говорят, и говорить, как пишут.

Вскрывая возможности языка, Карамзин и его соратники отбирали слова, создавали ценные новообразования: *взыскательность, достопримечательность, личность, вольнодумство, влияние, первоклассный, сосредоточить.* Они ввели иностранные: *дуэт, карикатура, кризис, тост, фаза, эгоист.* Сложили поэтический словарь из разных родников: *твердь, длань, луна, бренный, таинственный, хладный, воздыхатель* — была бы сладость, нежность, пластичность, музыка на месте набившей оскомину громкости, пышности или рассудочной отвлеченности, гражданственности или иронии. Причислили сюда

ручей, рощу, домик, а также *розы, мирты, лилеи* — лишь бы меланхолично, интимно.

«Писать, как говорят» оборачивалось формулой «надобно писать, как должны бы говорить». Устной культурной речи у общества, владевшего иностранными языками и знавшего отечественные книги, не было. Верная ориентация на живой язык имела узкую опору в приятной речи высшего общества, в языке *милых дам,* которые, увы, говорят по-французски или по-русски нерусскими фразами. Карамзинисты не столько писали, как говорят, сколько призывали говорить, как они пишут: русские обо многих предметах должны еще говорить так, как напишет человек с талантом. Но у них не у всех был талант!

Основа литературного языка — живая речь, пропущенная через сито отбора, обработанная мастерами, облагороженная книжностью. Карамзинское сито отметало слишком многое.

Подчиненный не многообразию действительности, а чувствам от ее восприятия, причем утонченным, аристократическим, новый слог не был достаточно демократичен. Как и вкус дворян, он был беден идейно и экспрессивно, избегал простонародности и даже свежей живой речи. Он был манерен, жеманен, слишком изукрашен, чтобы им все начали говорить. Слишком одинаков, чтобы помочь беллетристике реалистично отражать речевую жизнь страны. Уже Белинский писал: «В сочинениях Карамзина все чуждо нашему времени — и чувства, и мысли, и слог, и самый язык».

Пушкин с полным правом счел такую прозу детской, почитающей за низость изъяснить просто вещи самые обыкновенные и оживляемой обветшалыми украшениями и вялыми метафорами: «никогда не скажут «дружба», не прибавя «сие священное чувство, коего благородный пламень и проч.». Должно бы сказать «рано поутру», а они

пишут «едва первые лучи восходящего солнца озарили восточные края лазурного неба».

На карамзинистов первым, и не без основания, ополчился Шишков со своим «Рассуждением о старом и новом слоге Российского языка», метко учуяв принижение роли книжности, манеризм, пресловутый элеганс, иностранщину, сладкую одинаковость языка. Он и его последователи — шишковцы — с насмешкой переводили приятность слога на простой язык: *Свирепая старица разрисовала стекла* — Окна заиндевели; *Когда путешествие сделалось потребностью души моей* — Когда я любил путешествовать.

Полемика обнажила вопрос о двух основах языка и о разных этапах его развития. Для Шишкова, чем древнее язык, чем меньше *пострадал переменами*, тем он сильнее и богаче; по Карамзину, обогащение языка зависит от *успехов общежития и словесности*, от судьбы и природы: Академия и писатели систематически образуют его, упорядочивая *самовластно рожденные с мыслями, мыслями одушевленные слова*, открывают и показывают существующие в нем правила.

Истина открылась А. С. Пушкину — всесторонне освоить сокровища народной речи, утвердить на месте изысканного вкуса и безоглядного ретроградства мудрое чувство меры, благородную прелесть нагой простоты, точности, краткости, искренности выражения: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности». Достоинства прозы в мыслях, а не в украшениях. Он дал, как И. А. Крылов в баснях и А. С. Грибоедов в комедии, гениальные образцы действительно нового языка и слога — в поэзии и прозе. Слог тем лучше, чем проще: *И в поэтической бокал Воды я много подмешал.* Рядом с народным словарем, син-

таксисом и славянизмы обрастают нужными окрасками, сливаются в необычные сочетания, нейтрализуются или обращаются в выразительные синонимы.

Эти стилистические правила развили, воплотили в жизнь М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, другие классики. Отражая логику событий и чувств, они еще шире раздвинули границы литературного языка.

Они показали, как соразмерять повествование и описание, сближая язык их с фольклором и живой речью, причем не только «в рассказах на родимый лад», где «над Москвой смеются Или чиновников бранят». Они нашли пути, как использовать такие слова, как *батько, жинка, пан, хлопец, галушки, курень,* а также не претендующие на право общего употребления жаргоны помещиков, чиновников, офицеров. Вспомним жеманных дам города N, которые говорили «я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка», а не высморкалась, или Ноздрева с его пестрейшими «поздравь: продулся в пух!» Приемы бытописания вскрыли богатые выразительные и изобразительные возможности, бесконечную гибкость русского языка. Была отработана научная проза с отвлеченной философской и общественно-публицистической лексикой, ораторским синтаксисом. Введенные Белинским *созерцание, замкнутый в себе, субъективное,* по мнению ретроградов, «непонятные, ничего не выражающие», выдержали проверку временем.

Вместе с закреплением единых норм бесконечно усложняющиеся цели и условия общения вырисовывают и систему стилей. Это стили индивидуальные, связанные с манерой автора, и функциональные, представляющие собой типизированные наборы особых элементов, а также способы отбора и композиции общих элементов. Соотносительные, параллель-

ные, синонимичные средства языка все больше спаиваются применением общих норм в разных сферах деятельности людей с их содержанием, типом мышления.

Из одного ствола вырастают литературный книжный язык, существующий в письменной форме, и литературный разговорный язык, существующий преимущественно в устной форме. На них строится система стилей, художественного, делового, научного. Внешнее единство предполагает внутреннее расслоение, цельность — многоцветье, свободу речи индивидуумов и речи разных сфер жизни. Одна структура предстает в стольких обличьях, сколько есть на свете типовых тем и даровитых авторов.

В оценке всего этого и расходились Воробьев и его коллега. Не видя диалектики внутренне разнообразного целого и разных его применений, они не пришли к согласию. Один ради единства протестовал против расслоения на стили, другой ради утверждения стилей соглашался на распад языка. Остроту спору придавали бурно развивающиеся наука и техника, неизбежно требующие своего языка. По мнению столичного гостя, сообразность и соразмерность — это принцип расслоения языка соответственно теме, логико-эмоциональному содержанию, сфере общения. Доказал это Пушкин, давший образцы поэзии, прозы изящной и метафизической, от которой научились изъясняться по-русски и политика, и философия, и критика. Они отошли от напыщенности старого слога и от вычурной изукрашенности на западный манер слога нового. На этой основе расцветать и языку науки.

— Языку науки суждено стать могучей ветвью и расти — в Москве, Петербурге, в России! Пусть в рамках общих норм.

Воробьев не согласен.

— Трудом Пушкина, его предшественников и по-

следователей русский язык вобрал в себя все лучшее из национально-языковой культуры. Его границы раздвинуты на все пространство, потомкам остается идти по проложенному пути. Никакой индивидуальности, будь то слог личности или интересы сословия ученых, не позволено нарушать установившийся общий язык. Он богат и гибок, полно и самобытно выражает все, что существует в мире, даже дух иных народов и языков Востока и Запада выражаем на нем с полнотой необыкновенной. В изображении русского общества герои нашей литературы говорят по-разному в разной обстановке, в разные эпохи, о разных делах, но на одном языке!

Да, Пушкин писал и научную прозу, но разве на другом языке, чем художественную? В стихах допускал поэтические украшения, условности, но вообще-то сближал даже язык прозы и поэзии. Объединял, а не разъединял разные применения единого языка, созданного на всеохватывающей основе народности, историзма, благородной простоты. Даже разговорно-устная и книжно-письменная речь нераздельны: природные их различия не мешают первую изображать на письме, а второй пользоваться устно. Общие нормы, преодолевая пережитки разноязычия и выявляя скрытые потенции языка, отвечают интересам общества и оттого осознанно приняты. Они закреплены авторитетом и талантом писателей, давших примеры для подражания. Язык наш совершенен, раз на нем можно писать так, как они, и един, как един великий русский народ.

— Народ не мифическая абстракция, в нем слои, профессии,— вскричал петербуржец.— Общий язык! Жалует царь, да не милует псарь! Будут, уже есть особые языки, ну — пусть стили. Научный обособляется, и отнюдь не на окраине жизни и речи. В Сибири свой язык, и местные сочинители

могут сделать его литературным. Россия многонациональна, и население инородное, говоря по-русски, с ростом грамотности создаст свои варианты литературного языка.

— Это похуже речевой неразберихи допушкинской поры. Каждому свое, а как понимать друг друга?

— Как понимают друг друга австрийцы и немцы? Или американцы и британцы? Особые языки, но одна исходная основа. Трудности понимания вознаграждаются разнообразием национальных красок. Американский вариант английского языка, британский, индийский — все выгоды на их стороне. И мы духовно богаче оттого, что есть московское и петербургское произношение, что вместо наших *кладь, драчена, вставочка* вы говорите *багаж, омлет, ручка.* Не откажемся мы от *шти* из-за вашего *щи!*

— Не гневайтесь на меня, милостивый государь, но у великого русского народа должен быть один язык, общие нормы. Во всяком случае, никаких территориальных вариантов! Вы в Петербурге как хотите, а Москва, родоначальница и хранительница нашего единства, постоит и за цельность языка. Так будет-с!

Наговорившись всласть, приятели, каждый по-своему, мечтали.

— Заглянуть бы вперед лет эдак на сто, в конец XX века. Каким он станет, русский язык?

— Таким, каков сейчас: богатым, всемогущим! Даже ради науки люди не пожертвуют поэзией. А она обеспечит языку цельность, что, кстати, не значит одинаковости. Если нет, то, по лермонтовской «Думе», «...прах наш, с строгостью судьи и гражданина Потомок оскорбит презрительным стихом, Насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом».

Незримая свидетельница беседы прошептала:

— Нет, потомки не оскорбят ваш прах. Время после вас будет щедрым на таланты и события. Обогащаясь с быстротой поражающей, русский язык станет мировым. Его отшлифуют Л. Н. Толстой и А. П. Чехов, А. М. Горький и В. В. Маяковский, М. А. Шолохов и Л. М. Леонов, сотни гениев, ученых и общественных деятелей. Пройдя горнило Великой Октябрьской социалистической революции, он послужил пятилеткам и победе в Великой Отечественной войне, научно-техническому прогрессу, открытию космической эры. Неоценим вклад В. И. Ленина, по завету которого созданы толковые словари современного (от Пушкина до Горького) русского языка.

Мы с вами одноязычники, неприкосновенно бережем язык, обогащая и развивая его. Изменения непринципиальны, не в сути структуры и состава. Растет словарь, устраняются дублеты, дифференцируются конструкции, совершенствуется орфография.

Изменилась жизнь, и вы не поняли бы многих слов, но язык тот же. Един во внутреннем разнообразии, один на все случаи жизни, но не одинаков — в разных проявлениях усложнившейся структуры в зависимости от цели, темы, содержания высказывания. Оформились стили, обособился язык газеты и радио с телевидением. Проблемы как у вас: хранить чистоту, развивать культуру речи, бороться с иностранщиной, жаргоном. «Литературная газета» чуть не в каждом номере печатает об этом статьи.

Прадед все же дальновиднее.

— Язык науки не всем понятен и основой общей речи не стал. И сейчас его излишнее обособление, наукообразная заумь возмущают. Источником норм по-прежнему служит художественная ли-

тература. Из нее подтверждаются примерами правила в учебниках и значения слов в словарях...

Вспомнив о цели путешествия, Настя усмехнулась:

— Нет вопроса, понимаю ли предков — это наш нынешний язык. Хотя кое-что странно. *Бежать чего, ищет щеголяться, умер во младенчестве, об ней воспоминанье, вихорь быстрых пар* — сейчас никто, пожалуй, так не скажет. Я бы сказала *когда взошла заря* и никак не *туда зарею поспешаю*...

И эти слова-ерсы: *сами изволите знать-с, я чихнул-с*. По-стариковски как-то... *Ваше благородие, госпожа удача*... В самом деле, удача, что один язык!

Настя вспомнила парадокс университетского лектора: развитие высокоорганизованного нормированного литературного языка в том и заключается, что темп движения снижен. Оттого язык устойчив во времени и пространстве, общеобязателен. Но разве не выросли темпы внутреннего совершенствования, шлифовки?

Прав прадед, хоть недооценивает стили, особенно научный: язык един. Впрочем, как он может не быть один? Пушкин объединил, привел в равновесие... До него разные, что ли, языки были? Что значит — разрыв между литературным языком и живой речью? Ясное дело, бабушки в деревне не умеют правильно говорить. Советская власть ликбезом обучила всех, кто хотел. Причем тут объединение культурного языка и сырого народного? Как иллюзия-то появилась, которую Пушкин разрушил, будто язык можно строить по законам, чуждым живой речи народа? Что значит — изолированные типы книжного и разговорного языка, вместо которого образованные люди пользовались французским? Как же жили русские с этими разгороженными языками?

Настя в недоумении погладила Гривну, свой

волшебный обруч, и та, как заправский лектор, пустилась в объяснения.

Пушкин синтезировал стихии, которые были обособлены. В донациональную эпоху их даже научно упорядочил Ломоносов в теории трех штилей. Это учение, в свою очередь, было попыткой преодолеть наличие прямо-таки разных языков в эпоху русской народности. Надо размежеваться, чтобы объединиться. Признать полезные средства разных языков од-

ним языком, но разграничив по месту в речи, не смешивая.

Предупреждая вопрос, Гривна объяснила, что люди, специально учившиеся, понимали все штили, оба языка. В целом же общество говорило неодинаково — похоже, но не всем понятно. Это мешало развитию — торговле, науке, промышленности, культуре, формированию нации.

Настя представила себе: одни говорят по-русски, другие по-украински, как-то друг друга понимают, потому что языки близкие, но общаться трудно. Грамотные умеют и так, и эдак, а пишут только по-украински. Ясное дело, жизнь заставит объединить языки, но тут пойдет несусветная путаница, и как хорошо, что гению пришло в голову навести порядок, закрепить уже в рамках единого языка наследие одного за высокими материями, а другого — за обыденными. Только как получилось — люди одного народа обладали разными языками?

— Давай своими глазами посмотрим,— предложила Гривна.— Гопля!..

Настя бросила прощальный взор на бесчисленные церкви на холмах пересеченного рельефа, ныне скрытого высотными зданиями, на одно- и двухэтажные особняки, многие с магазинами и мастерскими внизу. Мелькнула Пречистенка, в которой не узнать Кропоткинскую, с забавной каланчой на пожарном депо. За Валом, нынешним Садовым кольцом, Пресня, Преображенка, Даниловка, фабричные окраины, заводы, склады, дым и копоть.

«Покуда я живу, клянусь, друзья, не разлюбить Москву». Настя вспомнила эти строки Лермонтова. Он жил на Малой Молчановке, любил любоваться зарей над Арбатом, через всю жизнь пронес сыновью преданность родному городу, где священен каждый камень.

Но вот уже нет фабричных гудков, плывет пере-

звон колоколов. Вырисовывается иная Москва, дворянская, боярская, с усадебными чертами. Еще столетие в глубь веков. Многие улицы не замощены булыжником, есть еще деревянные мостовые. Меньше каменных домов, и далеко не все стоят в линию — вдоль улицы, как повелел Петр I: прячутся себе в глубине дворов, как в поместьях. Возведены, правда, знакомые Насте шедевры классицизма — дом Пашкова зодчего В. И. Баженова и Благородное собрание М. Ф. Казакова (нынешние Библиотека им. Ленина и Дом Союзов).

Современный язык: у истоков

В золотом XVIII в., «в безумном и мудром столетии», клан Воробьевых, как никогда, разнообразен в занятиях. Отстав от всякого крестьянского дела, они разметались по России. Те, кто остался верен Москве, с тех пор журналисты, учителя, врачи — частицы великой прослойки общества, которую потом назвали интеллигенцией. Сергей Петрович Воробьев, прямой Настин предок, служит переводчиком в компании, издающей книги по медицине, военному делу, истории, географии.

Пришед в гости, любит сказать:

— Знаю опытом, совершенно удостоверен, что возмогу льститься передать по-русски идеи трудные, новые мысли, чувства. Почитаю по долгу звания своего пещись о приведении наук в России в цветущее состояние и стараться о доставлении публике российских произведений. Польза от сего происходящая ощутительна как в рассуждении просвещения, так и в рассуждении российского слова.

Задача не из легких; недостаточен словарь, оковой висит книжный синтаксис. Особо мучит нехватка слов, *подходящих обозначить понятия*, с коими знакомят переводимые книги. Сохранять иностран-

ные термины? И так их избыток, да и читателям непонятно. Их приходится пояснять — комментировать: *въехал в порт*, т. е. *в пристанище; высокий патрон* (или *благодетель*); *лакеям и служителям в те апартаменты не входить; с крепкими резонами или доводами*. Опускать совсем негоже, вот и ищем соответствия даже уже заимствованным: *домоуправитель, управление, расстояние, сопутник* вместо *эконом, дирекция, дистанция, сателлит*. Появляются кальки: *полуостров, солнцестояние* на месте Halbinsel, Sonnenstand; *произведение, наблюдение* — productus, observo. Графический знак нуля называют *оник* и *цифра*: «О — оник, именуется цифра, си есть ничтоже; О — цифр, ничто; Нуль или цифра, сиречь за ничто зовется».

Насте не сразу понять, что общей нормы пока нет, отчего словоупотребление очень пестрое. Не то, чтобы каждый говорил, как хотел, но обычаи разных слоев общества не приведены к общему знаменателю. Стилистически недифференцированы *опять* и *паки (договорив сие, садится он паки)*, *только* и *токмо*, *ягненок* и *агнец*, *лоб* и *чело*, *дочь* и *дщерь*, *борода* и *брада*, *мороз* и *мраз*. Книжные слова нейтральны, в письме держатся устойчиво и немотивированно, разве в обыденном разговоре реже.

Сергей Петрович нет-нет да и поставит *вертоград, собор, лествица, днесь* (а не *сад, собрание, лестница, сегодня*), *аще, наипаче, яко, врачество, обрящет, отверстые очи, прободать* (прободная язва). Не видятся оттенки и просторечных слов: *вдова потащилась в С.-Петербург искать правосудия* — без намека на насмешку, все равно что *поехала, отправилась;* употребляют *клепать* и *шпетить* наряду с *пенять* и *журить, отделаться, ни уха ни рыла, остервениться.*

Ревностно преданные желанию императрицы во всем иметь порядок, екатерининские деятели рядом с Академией наук учреждают Российскую академию.

Е. Р. Дашкова, директор обеих, ставит цель издать Атлас Российский, описать первооткрытия и все природное обилие России и Сибири, развить математику, вообще заботиться о приращении наук в отечестве. А также собрать и возвеличить, усовершенствовать русское слово, показав его пространство и красоту. Чтобы вычистилось оно и процветало, нужно устранить несвойственные или паче обезображивающие его иностранные речения. Неприязнь к галломании — модному *чужебесию* и другим *бесиям* — маниям (из многих таких слов уцелеет одно *мракобесие*) различно отражается в изданиях вроде «Собеседника любителей Российского слова», где печатается сама императрикс, и в прогрессивных журналах — в новиковских «Трутне» и «Живописце».

В речи безразлично смешиваются средства разных окрасок, подобно тому как в жизни соединяется передовое с реакционным. Рядом с открытием в Москве университета и первой публичной библиотеки-читальни, развитием издательского дела и книготорговли, просвещением даже третьего сословия все новые и новые грамоты жалуют помещикам исключительное, кроме городов, право владеть землей и «крещеной собственностью», продавать крепостных как скот, ссылать их в Сибирь.

Передовые люди с забытыми и громкими, живущими в истории именами ищут пути устранения заскорузлых несуразностей. Без единого языка не сформировать русскую нацию, не развить культуру, промышленность и ремесла, товарные отношения в сельском хозяйстве, повсеместную грамоту.

...Настя в доме Сергея Петровича, когда там гостит проездом девица Олимпия — из тех Воробьевых, кто получил по смерти за воинские заслуги от Петра I дворянское звание. Липочка воспитывалась при гувернантке-француженке, провела зиму в Пе-

тербурге у знакомых из «большого света», а теперь возвращалась в поместье под Тулой. Молодежь с затаенным дыханием слушала рассказы гостьи о столичной жизни.

— По чести говорю, ужесть как они славны. Беспримерные щеголи. Grand Dieu, я бесподобно утешалась: у них все славно — слог расстеган, мысли прыгающи, шутят славно — умора! Это нас, щеголих, вечно прельщает. Пуще всего они ластят

тем, что никак с тобой не спорят, стараются оказывать учтивости. И без всякой диссимюляции, если имеют инклинацию.

— Значит, без притворства, если имеют склонность?— робко переспросила одна из слушательниц, а Настя про себя вспомнила: *кадрит, ухлестывает, подбивает клинья.* Недалеко ушел век XX от XVIII!

— Это все равно. Только склонность и ко другу иметь можно, а инклинация к одному амуру надлежит. Щеголь рассуждает так: какая польза в науках? Науками ли приходят в любовь у прекрасного пола? Его наука знать одеваться со вкусом, чесать волосы по моде, сидеть разбросану, говорить трогающие безделки, иметь пленяющую походку, быть совсем развязану. Со щеголихами он смел до наглости, жив до дерзости. Его резонеман: с которую машусь, ту одну хвалю. На меня один граф, резвый робенок, бросил раз взгляд и начал угодности делать. Потом вдруг: э, кстати, сударыня, сказать ли вам новость? Вить я влюблен в вас до дурачества. Вы своими прелестьми так вскружили мне голову, что я не в своей сижу тарелке.

— А ты ему что ответствовала?— ахнули московские родственники.

— Я была в широкой юбке — теперь модно во всем вольность: такие как у вас узкие маньки только простолюдинки носят. Я юбкой взмахнула и ему: шутишь! О bonheur, ты ко мне пылаешь? Ужесть как славно себя раскрываешь. А он: беспримерно славно, барышня, что мне нужды, как вы это почитаете, резвостью или дурачеством, только я вам говорю в настоящую, что дурачусь!

— Дурачится?— разочарованно протянула младшая из слушательниц.

— Так это значит любит!— победоносно и снисходительно сказала Липа.

— Како, како?— вмешался священник Григорий, единственное лицо духовного сана среди Воробьевых.— Аще и не вем тя, кто еси! Егда узрех тя, абие уразумех, яко ты печешися свое благонравие очистити. Тьфу!

Но Липа поднаторела парировать стариковские нравоучения:

— Вы так темны в свете, что по сю пору не приметите, что изречение «жена да убоится своего мужа» ничуть не славно и совсем не ловко. Вон папахен мой обходится с матушкою по старинке: брань, а то и пощечина — все его к ней ласкательство! Он ей делает грубость палкою, а она в уме так развязана, что не знает ретироваться в свет. Беспримерные люди! Нет, по счастию поехала я в столицу, подвинулась в свет, разняла глаза и выкинула весь тот из головы вздор, какой посадили во мне родители, поправила опрокинутое понятие, научилась говорить, познакомилась со щеголями и щеголихами, сделалась человеком.

— А как же граф?— любопытствовали слушательницы.— Мы подумали, ты замуж за него выйдешь...

— Никак не отстает. Как привяжется ко мне со своими декларасьонами и клятвами, что от любви сходит с ума, то я говорю ему: отцепись, перестань шутить, вить неутешно слушать вздор.

— Вертопрашки вы с вашими франтами и вертопрахами!— не выдержал рассудительный Сергей Петрович.— Кочевряжешься, так поезжай в деревню, живи в девках. Или мужа там найди, почище твоего отца!

— Я хочу за графа замуж! Я резонирую, что не славно быть мужу ужасно влюблену в свою жену. Ах, как неловко: муж растрепан от жены и не дает ей шагу ступить. Надобно беспримерно обоих свободу уважать. Ежели так, oh, que nous sommes

heureux! Стану графиней. Пришла, увидела, победила.

Все одобрительно засмеялись. Лишь отец Григорий поправил:

— Кесарь рек — придох, видех, победих! — И наставительно добавил: токмо березета с графом российский язык, тако славный от толиких веков. Иновернии от разных стран приходящи, своестранная речения в разговоры и в книги привнесоша. И тако чистота славенская засыпася чужестранных языков в пепел. Аз стражду паче всех от сего уродства.

— Батюшка,— запротестовали кругом.— Мы Липочку лучше, чем вас, понимаем. Язык этот в нынешнем веке темен. Сергей Петрович, скажите!

Но Сергей Петрович продолжал беседу вполне серьезно:

— Смешон модный женский слог, пересыпанный иноязычными словами и просторечием, сочетаемый по чуждым нашему языку законам. Тредиаковский (и я с ним тоже согласен) считает в то же время, что «язык славенский ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не толко я им писывал, но и разговаривал со всеми». Он так оправдывает свой перевод «Езды в остров любви»: «На меня, прошу, покорно, не изволте погневаться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную не славенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собой говорим. Сие я учинил следующих ради причин. Первая: язык славенский у нас есть язык церковный, а сия книга мирская. Другая: язык славенский в нынешнем веке очень темен, и многия его наши читая не разумеют».

Искушенный писатель Сумароков и то погрешает против правил, когда покушается языком славенским писать, в чем и уличаем Тредиаковским, из-

рядно упорядочившим правописание и грамматику.

— Первооснова, запечатленная в древних книгах,— вмешался отец Григорий,— позволила нам по великому пространству обитающим говорить повсюду вразумительным друг другу языком в городах и селах. По словам Ломоносова, «по времени же рассуждения видим, что Российский язык от владения Владимирова до нынешняго веку, больше семи сот лет, не столько отменился, чтобы старого разуметь не можно было».

Сергей Павлович усмехнулся:

— Вспомните и такое: «В древние времена, когда Славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных; тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума». Сказав сие, Ломоносов сам сочинил — на своей, русской основе — *насос, опыт, частица, явление, равновесие, упругость, сопротивление, жидкие тела, земная ось.* В мирских делах, повестях, научных сочинениях не обойтись книжным языком. В переводах, поверьте мне, тем более.

Но отец Григорий упрямствует:

— Оттого Ломоносов и рассудил три штиля: высокой, посредственный, низкой. «Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере своей разной важности, так и Российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные ряды речений». Различая язык Славенский и Российский, он установил штили по степени сочленения их средств. Главный, высокой, составлен из речений, употребительных в обоих наречиях и из Славенских Россиянам вразумительных, не весьма обветшалых. Им пишутся оды, героические поэмы, прозаические речи о важных материях, когда они от обыкновен-

ной простоты к великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует Российский язык перед многими нынешними европейскими. От него «богатство к сильному изображению идей важных и высоких, от него довольство Российского слова...

...— Которое и собственным своим достатком велико»,— докончил оборванную было цитату Сергей Петрович.— У нас есть и свой письменный язык, коим издавна пишутся юридические, дипломатические, канцелярские, хозяйственные бумаги. Есть разные устные языки: образованного общества, говорящего по-французски, посадских людей — горожан, необозримое море крестьянских говоров. Язык фольклора обладает общенародными чертами, выходящими за пределы отдельных наречий.

Слушая краем уха, как длительное употребление и коллективный талант выработали в неоднородных языках устойчивые и в смысловом и грамматическом отношении обороты, не менее ценные и общие, чем заданные книгами, Настя потешалась:

— Ну и времечко отец Григорий прославляет — специальный штиль для писания од, прославления царя! Каждая эпоха должна делать именно то, что она должна делать. Один к одному! Ничего, слиняет высокий штиль!..

Между тем отец Григорий продолжал.

— У нас великое множество слов собственно Российских, по свойству коих и некоторые из Славенского почерпнутые смысл получили. Но язык наш от природы своей Славенороссийский. По счастию: а то не было бы в названных вами языках общего фундамента. Что до новшеств и разных материй, то по пристойности оных речения располагаются в штили низкой и средний. Средний предназначен для трагедий, сатиры, описаний дел достопамятных и учений благородных; он допускает Славенские речения с великой осторожностью и низкие

слова, остерегаясь, чтобы не опуститься в подлость. Низкий штиль, от Славенских речений вовсе удаляющийся, надлежит до комедий, песен, в прозе дружеских писем, описаний дел обыкновенных.

— Как не смешивать штили, коли изменились жанры, к коим они привязаны?— вопросил Сергей Петрович.— Новые темы, журналистика размывают границы. Конец классицизма с его прямолинейными единствами принес открытие: средства языка зависят не от жанра, а от содержания. Нужны не штили языка, а стили речи с взаимопроникновением всех средств.

Он подошел к книжным полкам: переводы Вольтера, Руссо, Дидро, Лессинга, Свифта, книги русских писателей, подшивки газеты «Московские ведомости» и прибавления к ней — журналы «Магазин натуральной истории», «Экономический магазин», первое в России «Детское чтение для сердца и разума».

Заглядывая через плечо, Настя следила, как чтец, привычно раскрывая тома, с тщанием выбирал отрывки. «Облобызай своих ты чад», «Живи и распложай науки». И тут же: «На истину смотря», «Нередко ей давал щелчки». Г. Р. Державин в оде прибегает к просторечию ради забавности слога! Что говорить о трагедии, героической песне, если в них соответственно теме потребна сословная характеристика, острая ситуация, злободневная мысль? Просторечие несет жизненную силу, яркость выражения. Конечно, у неумелых авторов, соблюдающих тупо каноны классической комедии, где отрицательный персонаж обязательно окает, цокает, говорит вульгарные слова, оснащая их частицами *ста, та,* оно — навязчиво вкрапленная условная жанровая никому не нужная примета.

И славянизмы, вопреки предписаниям учения о трех штилях, не принадлежность высоких жанров,

не способ возвышаться к важному великолепию, а общее облагораживающее средство, служащее в сочетании с нейтральными и просторечными для иронии или поэтичности, рассудочного и торжественного повествования. Они вовлекаются в путевые записки, заметки дел обыкновенных. Д. И. Фонвизин тщательно отбирает слова из вседневного домашнего обихода; остерегаясь грубого, дает права гражданства красочным и ярким *осанка, ухватки, пропасть* (много), *пешочком, не стоит ни гроша, все люди — и славны бубны за горами!* Но его переводы из классицизма, иные сочинения, даже комедии не чужды и книжных слов.

Не все понимая в доказательствах Сергея Петровича, Настя ухватила главное. Филологи, поэты, ученые, публицисты устанавливают новые стилевые градации не по жанру, а по смыслу: ангельский глас — человеческий голос, пошел не путем просителя, а стезею истца, в поте лица труд совершил, но в поту домой прибежал. Вопреки авторитету учения о трех штилях типы слов все меньше замкнуты в типах контекстов; они взаимодействуют не как противопоставленные системы, а как противопоставления внутри системы, стилистически разграниченные на основе функциональной дифференциации. Мертвый язык книги и живой язык народа сливаются у Кантемира, Тредиаковского, Сумарокова, упорядочивающих словоупотребление, обогащающих язык народными сокровищами, ограничивающих славянизмы.

С 60-х гг. XVIII в. кончается ломоносовский период и складывается новый образованный русский язык — единый, но с разными средствами для отражения социально-профессиональных и иных различий в обществе, разных предметов рассуждения. Разговорная стихия в нем ведет, а книжная ее расцвечивает, создавая остроумную, непринужденную

прозу и стих, настойчиво очищаемые от архаичного и иностранного. *Потакать, безделка, болтать, ворчать, вздор, охотник до, водиться с кем, глаз не сводить, вскружить голову, в ус не дуть, унести ноги* (убраться), *водить за нос* (дурачить), *мыкаться, таскаться, соваться* соседствуют с такими словами из научных трактатов, как *будущность, товарищество, изобретательность, прибыльность, развитие, торговое предприятие.*

Сергей Петрович выискивал примеры, где авторы мастерски справлялись с выражением идей трудных. «Известно всем имеющим хотя бы некоторые сведения о науках, что они суть плоды созревшего бессмертного человеческого духа, одаренного от природы способностию понимать или заключать о бесконечности как времени, или продолжения, так и пространства, или неограниченности... Причина всех заблуждений человеческих есть невежество, а совершенства — знание» (из Новикова). «Сила и право совершенно различны как в существе своем, так и в образе действования. Праву потребны достоинства, дарования, добродетели. Силе надобны тюрьмы, железы, топоры» (из Фонвизина).

Сергей Петрович торжествующе оглядел примолкнувших слушателей:

— Ни сравнить с той беспомощностью, с какой выражались в начале века идеи куда проще. Ниже всякой посредственности был не только словарь, но и синтаксис. Скажу, не обинуясь, Ломоносову и то не удалось окончательно сделать сердцевиной предложение. Утверждая его в «Кратком руководстве к красноречию» основой сопряжения простых идей, он сам оперирует книжным синтаксисом — периодами, по крайней мере в высоком штиле. Он делит их на *круглые*, или умеренные, части которых примерно равны по величине, и *зыблющиеся*. Он приветствует витиеватые речи, осложненные об-

ращениями, однородными членами и обособлениями, причастными и деепричастными оборотами, повторениями как *знатнейшей фигурой речений*, сопряжением подлежащего и сказуемого *некоторым странным, необыкновенным или чрезъестественным образом*. И сам строит наподобие Варфоломея Растрелли коллоссальные словесные дворцы, которые объемом и ритмом своим передают праздничный пафос, но разобраться в которых не просто.

Вот как начал он публичную лекцию по физике:

«Смотреть на роскошь преизобилующия натуры, когда она в приятные дни наступающего лета поля, леса и сады нежною зеленью покрывает и бесчисленными родами цветов украшает, когда текущие в источниках и реках ясные воды с тихим журчанием к морям достигают и когда обремененную семенами землю то любезное солнечное сияние согревает, то прохлаждает дождя и росы благорастворенная влажность, слушать тонкий шум трепещущих листов и внимать сладкое пение птиц, есть чудное и чувства, и дух восхищающее увеселение».

Как ни талантливо это, нельзя не приветствовать победу предложения над периодом, в коем прежде, нежели прочтешь последнюю строку, забудешь первую, ибо кроме непомерной длины нет четкой связи частей и все запутано по латино-немецкому образцу позицией определений. Синтаксис этот архаичен: *неизмеримой вечности в пучину отшедший князя Владимира дух:* или: *книга, коей содержание люди для подражания образцом почитают*. Не лучше ли: содержание коей почитают образцом? Надоели *танец был танцеван, о получении оного не имел я счастия быть уведомлен*... Помышляя о простой естественности порядка слов, неизвестной доселе, авторы обращаются к разговорным оборотам, отшлифованным практикой в смысловом и эмоциональном отношении: *все они, выключая весьма малое*

число, не заслуживают внимания; и те, кои преуспели свергнуть с себя иго суеверия, все заразились новою философиею. Такой логичности раньше не ведали. Лаконизм, динамичность! Есть уже в нашем языке правила объединения разных средств, штили преодолеваются.

Горделивый поп тряс бородой:

— Положен предел, его же не прейде!

Насте стало жалко, что Сергею Петровичу не доведется почитать Карамзина, от природы одаренного верным слухом, умением изъясняться плавно и красно. Располагая слова сообразно с течением мысли и законами языка, так как лучший, истинный порядок всегда один для расположения слов, он преодолеет утомительные периоды. Сильнее его вкуса будет чувство меры, выработанное многими талантами и увенчанное пушкинской соразмерностью и сообразностью. Узнается, что истинных расположений слов много — в зависимости от содержания и целей речи. Сложится синтаксический строй, которому жить. Порядок слов, способы выражения членов предложения, виды неполных и односоставных предложений — все, чему учат в школе XX в., еще впереди. Вы еще просто неграмотные!

Не без снисхождения к далекому прадеду Насте хочется с высоты своего знания просветить его.

— Ох, Сергей Петрович, вы далеки еще от объединения книжной и народной стихий. Но скоро они врастут в одни и те же тексты, каждая на своем месте в ряду общих средств. Спорьте! Ваши споры помогут создать сегодняшние приемы использования единого и внутренне разнообразного в стилях литературного языка. В восторгающих вас примерах сложен синтаксис, много немотивированных сочетаний. А скоро первый русский революционер-мыслитель А. Н. Радищев поднимет все ресурсы, от ста-

ринного языка (отчего «Путешествие из Петербурга в Москву» назовут последней яркой вспышкой книжно-славянского языка) до крестьянской речи. Он все подчинит замыслу — крестьяне, купцы, стряпчие, семинаристы заговорят у него как в жизни: *У нашего боярина такое, родимый, поверье, что, как поспеет хлеб, так сперва его боярский убираем. Со своим-то, де, изволит баять, вы поскорее уберетесь.* Книжное *гражданин* у него уже житель града-города, горожанин, идеологическая замена слова *верноподданный.* Также *гражданское право, положение, звание.* И еще: *народное правление, общее благо, дух свободы, общественная польза, неравенство, мрак невежества, образ правления, свобода мысли, путы суеверия, сын отечества, разрушение оков, член общества.*

С явным одобрением в Настины рассуждения вмешался голос Гривны. Она нашептывала про раннего Крылова, который даст обстоятельный об-

разец ровного отбора слов в журнальных сочинениях, оборвав все ниточки связи с ломоносовским периодом. Найденное им остроумие и непринужденность без архаики и вульгарности расцветет в баснях, где язык — уже предвестник пушкинского. Увы, в конце века наступит ночь реакции. Жертвой падет Радищев, бросят в тюрьму Новикова, умрет, не успев многое опубликовать, Фонвизин.

Настя же не без гордости отвечала ей, что Сергей Петрович — молодец, чувствует тенденции, которым жить вопреки всем препонам. Совмещение народной и книжной речи, делового языка, городского просторечия и крестьянских говоров в словаре, синтаксисе — все, о чем он думает, будет усовершенствовано гениями России и ее языка, даже его спокойное, но и не излишне одобрительное отношение к иностранным словам.

Разговор тем временем о них и шел. Протестуя против засорения языка наипаче чужеродными

речениями из иноязычной словоположницы, отец Григорий цитировал Ломоносова:

— Старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного Славенского языка купно с Российским отвратятся дикие и странные слова-нелепости, входящие к нам из чужих языков. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют.

— И все же,— раздумчиво произнес Сергей Петрович,— у него самого *микроскоп, минерал, планета, материя...* По мне звучат и *артист, декламация, браво, каприз, контраст, мораль, репродукция, скульптор, этаж.* Не хуже дословные переводы: *утонченный, трогательный, влияние, задеть за живое.* Как назвать новое? Ту же пудру парижскую, немецкий парик?

Молодежь восприняла его слова с восторгом. Он же предостерег.

— Заимствование колико удобно, толико и применяемо. К нему понуждаемся утончением понятий мудрых народов и недостатком на нашем языке слов к выражению оных. Но язык не дойдет до совершенства, покуда вводит их не по нужде, а по буйственному пристрастию ко всему, что есть французское. Как не иметь природного самолюбия? Зачем быть попугаями и обезьянами вместе? Наш язык и для разговоров, право, не плоше других. Надобно отыскивать коренные слова, сочинять новые для письма и обыкновенных речей. Доколе отечественный язык презираем в беседе, дотоле и письмо до совершенства не дойдет. Полагаться надобно не на одни славянизмы, ибо мертвы они все же, а на живую речь изрядной компании, да и понимать благородное общество не только как двор и избранный

свет, а пошире. Иноземное слово непристойно, когда есть свое, не хуже.

Липа обиженно надула губки, когда Сергей Петрович подытожил: модный этот жаргон полуграмотен. А Настя содрогнулась: вдруг по воле Гривны над ней самой будет потешаться какая-нибудь Воробьева из XXI в. Дико же это — *рванули на полные децибелы; разбежалась, а по телику ни фига нет; весь вечер балдели...* Фирма́! Ведь то же самое, только не из Франции. Олимпиада вон по-французски больше знает, чем Настя по-английски. Со стороны, ясное дело, смешно...

Пораженная таким оборотом собственных мыслей, Настя начала неловко оправдываться. Так уж вредно это для русского языка... Щеголихи, потом денди, потом чуваки и стиляги по-своему говорили. Всегда есть молодежный жаргон.

Но Гривна не дремала и не преминула вмешаться:

— В семье не без урода. Но ты умеешь и нормально говорить, а у них единой нормы еще нет. Разные виды речи не нарост на едином языке, а вроде каждый по себе. Общей правильности нет, это чувство в каждой социально-речевой среде зависит от самосознания и традиции. Переоценка ценностей впереди, русский язык не освободился от наследственных вериг славянщизны, да и иностранщина, дворянский салон небеспочвенно претендуют на роль законодателя моды и нормы. Ты же видишь, речь отца Григория и даже Липочки ощущают не столько как неправильную, сколько как разные правильности: правильно, дескать, но не по-нашему. При отсутствии общей базы нормой мог стать и щегольской жаргон — не страшная ли перспектива? Впрочем, жаргон, иностранщина и сейчас опасны. Ума за морем не купишь, коли его дома нет!

Настя уже не слушала. Кошмар! Как хорошо, что история уготовила русскому языку иную, непов-

торимую и счастливую судьбу. Славно, что передовые влиятельные умы — Кантемир, Тредиаковский, Сумароков, решительнее и умнее всех Ломоносов с его невиданно авторитетной «Российской грамматикой» 1755 г. — первой грамматикой собственно русского языка — позаботились о русском языке, упорядочили его, вывели понятие правильности (со всеми ошибками, передержками!) из постижения истинного пути его развития. В XVIII в. он уже

наш, современный: произношение, грамматика, отчасти синтаксис, разве у отца Григория иные. Вот в словаре — кто в лес, кто по дрова. И письмо: вслух легче, чем самой читать, заглядывая через плечо Сергея Петровича.

Старые тексты вообще без знаков препинания, с титлами, ненужными буквами. Полный кавардак: те же яти и еры то так ставят, то эдак. Неграмотный первоклассник лучше напишет: *пасадский — пасацкий — посадцкий, приказчик — прикащик, карова, салома, хадил* и *солома, корова, ходил, кавтан* и *кафтан* (даже в одной бумаге!), *вдава, дакумент, афицер, зделать, блиско, протчий, нарошно, ешче, общчество, ушчерб, шчастие*. В книгах петровского издания и до него разнобой велик и в грамматике: *от латинского языка переведе на славяноросийский, переведена, переведена бе, новопереведеся с галанского языка...* Сплошные ошибки!

Гривна не согласилась, что ошибки. Когда неизвестно, как надо, что значит неграмотность? Искали, пробовали, как лучше, проще, ближе к произношению, легче для грамматики. Найдя удачный вариант, закрепляли его в правиле. Правила собирались, становились обязательными очень постепенно; как и понятие правильности, они часто были социально-групповыми, а не всеобщими. Это в XX в. смешно призывать к свободе орфографии. Гривна неделикатно напомнила про «каТку».

Правописание только еще складывается. Полемизируя отчасти с Ломоносовым, Тредиаковский об ортографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи, вот как рассуждает: «Так писать надлежит, как звон требует, и каждая буква собою изъявляет ту причину (то есть определенный знак точно сего, а не того звона), по какой требует ея сие наипаче, нежели другое место склада». Поэтому *опщчий*, а не *общчий*, *укас*, а не *указ*,

сретство, а не *средство*. Это противоречит уже сложившейся и живой до сего дня традиции сохранять произведения корень, ведя к смешению омонимов (*плот* и *плод*).

Гривна, урезонивая Настины смешки, напомнила:

— Современное белорусское правописание исходит именно из фонетики — и неплохо! В поиске правил орфографии естественно обратиться к произношению, но нельзя не считаться с традицией, грамматическими связями, различиями говора разных людей.

«Московское наречие не токмо для важности столичного города, но и для своей отменной красоты протчим справедливо предпочитается»,— утверждал Ломоносов, но по звонам писать не призывал. Он учил, что правописание служит удобному чтению, «не должно удаляться много от чистого выговора, но и не закрывать следы произведения», т. е. выдвигал, наряду с фонетическим, и этимолого-грамматический принцип орфографии. Его книга ознаменовала переход от пестроты XVII в. к зримым контурам современного языка не только в грамматике, но и в правописании. В ней практически все современное: 30 букв (нет лишь *щ, э, ё, й*), унифицированная русская норма грамматики (дань книжно-славянским нормам незначительна: *онѣ; тоя, сея, моея, которыя, нашея; сорокъ, сороку, сорокомъ, о сорокѣ*...). Отец нашего языка начал научное осмысление и нормализацию литературного языка. Осторожно, но решительно утверждал народную его основу, но не порывал с традицией, изгонял славянизмы, но не все, а весьма обветшалые, зело невразумительные (*обаваю, рясны, свене — заклинаю, ресницы, кроме*).

Сумароков, хотя в «грамматике законодавцем быть не дерзал, памятуя то, что грамматика повинуется языку, а не язык грамматике», на деле унифицировал прилагательные: вместо *добрии, доб-*

рые, добрая — одно *добрыя*. Держась в целом стародавних книг, он отрицал навыки делового письма (как и многие иные особенности приказных документов — *понеже, точию, якобы, имеет быть*).

В спорах выявились черты современной орфографии, самая необходимость единых правил. «Учащему, чтущему и пишущему должно свойство произношения, ударения, препинания и правописания в книгах знати, ибо всякого языка особое обыкновение в сих зрится»,— читаем в учебнике начала XVIII века, устанавливающем обязательное раздельное написание слов, употребление запятых и точек: «За запятыми отдыхати, а точками цел разум определяти». Учебник опирается на книжные обычаи и предупреждает против излишнего следования московскому выговору: «Вместо е не гли ие, яко егда не иегда, вместо ф не глаголи х: яко Филипп, а не Хвилипп, фараон, а не хвараон...» Русское письмо уже изрядно упорядочено в «Учебнике для гимназий» 1797 г., «Кратких правилах ко изучению языка Российского» В. П. Светова 1790 г., «Сокращенном курсе Российского слова» В. С. Подшивалова 1796 г. Ни грамматика, ни словарь уже несопоставимы с книгами XVII в., примеры в них живые: *Буде же ты человек, то помни, что ты такое. Скупой есть убог, поелику не он златом, но злато им владеет.* Архаичными они иногда кажутся только из-за лексики: *поруган яко раб*, т. е. разруган как невольник.

Настя остановила всезнающую Гривну.

— Разграничение языка на три штиля без права их смешивать в одном тексте. Зачем это нужно было? Зачем сначала размежевываться, чтобы потом объединиться? Не проще ли преодолеть засилье блаженного сияния славяномудрия и сразу вовлечь в литературный обиход достойные средства живой речи? Они сами бы нашли свое место в промежуточ-

ных текстах опробования. Три штиля мешают синтезу, тормозят рост научной, журнальной, художественной прозы. Утверждая расслоение языка на пласты, они разобщают веками накопленное многообразие речевого богатства. Без них Пушкину было б легче собрать воедино все живое и по-новому перегруппировать на широкой народной основе.

— Давай окунемся в речевую жизнь XVII в., и ты поймешь, что даже гению Пушкина не слить бы гармонично в органичной системе всю ее разнородность,— сказала Гривна.— Плетью обуха не перешибешь! С легкой руки Ломоносова три штиля, размежевывая средства внутри языка, прежде всего объединяли их в одном языке, ограничивали книжный язык, открывали доступ народному в письменность. Фактом каталогизации средств разных языков, общей демократизацией они создавали почву для их сближения. Ведь не сразу была она возделана для такого изменения мест слагаемых, от которого меняется сумма. Та же азбука...

И вот уже наши герои в столице Московского государства, только что оправившегося после Лжедмитриев и польско-литовских захватчиков, после пожаров, в которых не выгорел лишь Кремль да Китай-город.

Старорусский язык: двуязычие

Москва вновь крупнейший город Европы: 30 тыс. дворов! Мало кто помнит схватки с шляхтичами на московских улицах и сгоревший Скородом — деревянную стену по границе города, прозванную так за быстроту постройки. Вместо него теперь земляной вал со рвом — будущее Садовое кольцо. Ушли в историю героизм Сусанина, славное ополчение князя Пожарского и земского старосты Минина, въехавших в Кремль через Красную площадь в 1612 г., крестьянская война под водительством Болотникова.

Умы занимают отписки и чертежи землепроходцев в Сибири, вышедших к морю Охотскому, Украина, воссоединенная гетманом Хмельницким с Россией. Шумные московские ярмарки все больше походят на всероссийские, ускоряют товарное обращение, внешнее и внутреннее. Работа на рынок, а не на заказ рождает мануфактурное производство. В Москве появился второй Пушечный двор, пороховые мельницы, кирпичные, стекольные и иные заводы.

Еще не начертана программа на много лет вперед — на земле, которая откроет свои богатства русскому человеку, на море, где явится русский флот, в государстве и народе, перед которыми наука и образование откроют новый мир, в языке, который с развитием великорусской народности в нацию превратится в единый русский литературный язык. Россия еще не завладела всем тем, что абсолютно ей необходимо для естественного развития, не прорубила еще окно в Европу. Лишь через полвека построят Петербург и перенесут туда столицу.

Усадьбы бояр с бесчисленной дворней и владения попроще хранят исконную застройку: дома в глубине дворов, глухие заборы по улицам. Но в камне уже все монастыри, палаты богачей, торговые и правительственные здания. Стены из известняка заменили старые укрепления Царь-города, называемого теперь Белым, но и в нем, в пределах будущего Бульварного кольца, до булыжных мостовых далеко.

— Кремль похож, — подумала Настя. — И Красная площадь, не считая огромного рва, соединяющего Неглинную и Москву-реку. Вырытый в 1508 г. (и засыпанный в 1823 г.) он превратил московский Кремль в неприступную цитадель, окруженную водой со всех сторон. Расчищенная из древнего Торга по княжескому указу во время строительства кирпичного Кремля, главная площадь называется

Пожаром — свирепые московские пожары то и дело уничтожают стоящие на ней легкие постройки. Как раз сейчас ее начинают называть Красной, т. е. красивой, главной — как *красный угол в дому, красна изба пирогами, красна девица.* И по праву: на ней уже столетие красуется *преудивлен камен со многими приделы собор Покрова что на рву,* сооруженный зодчими Бармой и Постником по велению Ивана Грозного *Казаньския ради победы.* Прихот-

ливая фантазия строителей, *о восьми верхах чудо,* где подле срединного шатра размещено восемь приделов, а к ним пристроена церковь Василия Блаженного (по ней и весь храм стали называть). Храм реставрирован уже при жизни Насти. 400 лет он стоит, не переставая всех восхищать своей затейливой красотой.

На Пожаре Лобное место — трибуна, с которой произносятся важнейшие речи и дьяки читают указы. Сюда ходят за покупками, за новостями и просто так погулять. Земские ярыжки с бляхами на груди, низшие полицейские чины охотятся за воришками. В лавках сидят сидельцы-продавцы, на каменном мосту, перекинутом через ров от Спасских ворот, торгуют книгами и фряжскими листами (так называют гравюры). Тут тиунская изба, в которой Петр I откроет для толпящихся на мосту любителей чтения библиотеку.

Здесь средоточие жизни, смешение характеров, наречий, акцентов. Здесь куется живой язык, рождаются веселые прибаутки: *Вот сбитень, вот горячий — пьет приказный, пьет подьячий! Что в Москве в торгу, то бы у тебя в дому...* Настя вспомнила описание Москвы в «Петре Первом» А. Толстого: прямо сфотографировал! Вот про часы забыл написать на Фроловской (Спасской) проездной башне. Установленные в 1585 г., они в 1625 г. переделаны английским *часового и водовзводного дела мастером* Христофором Галовеем, и теперь с *перечасьем* — с боем: звук их 13 отбивающих время колоколов, отлитых московским умельцем Кириллом Самойловым, слышен окрест аж в деревнях за десять и более верст. На ночь они не заводятся и показывают время с восхода до захода солнца — да и кто их в темноте увидит — город ведь не освещен, как сейчас! Вращается круг-циферблат, а цифры проходят мимо утвержденного сверху изображения солнца.

Ничего, скоро новые, с 12-часовым счетом и музыкой установит царь Петр.

На рубеже следующего века он свершит многое. По его велению страна перейдет, например, к новому летосчислению: вслед за 7207 наступит 1700 год.

Пока же Настя в Москве лета 7170. Привычная к округлому начерку букв, к пробелам между словами и знакам препинания, она с изумлением листает книги, не в силах что-либо прочесть, узнавая лишь отдельные слова. Ведь живущую в ее время с непринципиальными изменениями *гражданскую* азбуку введет тот же Петр, реформировав и сблизив с латиницей кирилловский полуустав, сохранив, правда, и его для богослужебных книг. Собственноручно поправив проект «Изображения древних и новых письмен славенских печатных и рукописных», подготовленный московским приказом книг печатного дела, он надписал: «Сими литеры печатать исторические и мануфактурные книги». Первой напечатают Геометрию, так же издадут и первую русскую газету, тоже появившуюся по его воле,— «Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах».

Настя роется в ларце своего девять раз прадеда, торговца книгами и писчими принадлежностями. Есть тут новые печатные книги, но больше рукописных. Вот древняя, на пергамене (от города Пергам в Малой Азии, откуда эти специально выделанные кожи вывозили) из свиной кожи, написана уставом: буквы прямолинейны, с тщательно выписанными кривыми чертами, прописные и строчные не различаются, зато заголовки и первые буквы абзацев выписаны красками, изукрашены рисунками. Вот книга, написанная полууставом уже на бумаге XVI в.: буквы менее выписаны, наклонны, а слова, как в латинских средневековых рукописях, разделены точ-

устав
полуустав
скоропись
А-1
В-2
Г-3
Д-4
Є-5
Ѕ-6
З-7
И-8
Ѳ-9
І-10
К-20
Л-30
М-40
Н-50
Р-100
С-200
Т-300
҂А-1000
Ч-90
Ц-900

ками, хотя обычно их ставят только в конце завершенной группы слов. А вот скоропись: между словами интервалы, но буквы с такими завитушками, иногда одна над другой, что вовсе ничего не разберешь. Вот совсем недавняя — *Годовой разпись*, или *месячило* (Настю уже не удивишь орфографией); это же то, что потом назовут *месяцеслов*, т. е. календарь!)

Очень мешает, что часто встречающиеся слова пишутся сокращенно, причем над ними ставится особый надстрочный знак — *титло*, ЧЛКЪ — человькъ, ГЪ — господь, СНЪ, МЦЪ, ДХЪ. Он ставится и над написанием чисел, которые обозначаются не арабскими цифрами, а буквами: А, В, Г, Д... И (восьмеричное) — единицы, і (десятеричное), К, Л, М, Н...— десятки, Р, С, Т, У, Ф...— сотни. Настя попыталась вспомнить старые названия букв: *аз, буки, веди* (отсюда *азведи* или *азбуки*, т. е. алфавит, азбука), *глаголь, добро, есть, живете* — дальше не шло. Выражения, правда, пришли на ум: *ни аза не смыслит, ставить точки над и* (имеется, ясное дело, в виду і десятеричное), *от аза до ижицы* (от начала до конца, мы бы сказали от А до Я), *ходить фертом* (т. е. руки в боки, как *Ф* в отличие от Ѳ, фиты), *выписывать ногами мыслете* (т. е. букву *М*), *сделать на ять*. Но вот какие буквы перед *ижицей* были — *ять, фита, еры, цы, червь*? Не очень ясно, что называли *рцы, слово, твердь, ук*... Папа однажды показывал, как раньше учили читать: *по складам*, потом *по толкам*, т. е. уже пословно и осмысленно, *с чувством, с толком, с расстановкой: буки, люди, аз — БЛА, живете, иже — ЖЕ — БЛАЖЕ, наш, ер — БЛАЖЕНЪ. И теперь говорим: сбиться с толку, запутаться.*

— Уронила меня мать, подняли люди, срезали голову, вынули сердце, дали пить — и стал я говорить,— пропела, не зная меры, Гривна.— Теперь и

не отгадаешь эту загадку про гусиные перья, у которых наискось срезали кончик и прочищали середину. Перья из левого крыла гуся или лебедя стоили дороже, их изгиб удобен для руки, если ты не левша! Стальные перья, появившись в XVIII в. и присвоив себе их имя, вытеснили их не сразу: и Пушкин, и Гоголь писали настоящими перьями!

Но Насте надоело про письмо. Ее охватила дерзкая мечта: передать бы дедов ларец Ленинской библиотеке. Древние книги — своеобразные машины времени. Они придают достоверность полету на крыльях фантазии и воображения, увлекательному путешествию в прошлое. Они ведь едва ли не единственный надежный источник, рассказчик-очевидец дальних предков, их нравов и обычаев, повседневных хлопот и торжественных обрядов, войн, политических страстей. И сами играли громадную роль в той жизни. Вот и возникает ощущение трепета, когда прикасаешься к рукописи, которую в руках держали люди полтыщи лет тому назад, в которую писец заботливо вложил ум и труд. Чего не отдадут сегодня музеи за древние пергамены, даже за какие-нибудь песнопения с нотными знаками, уставы церковных служб! Бесценную отечественную историю раскрывают вместе с бытом и мыслями древних даже религиозные переводы, апокрифические и житейные.

Послышался лязг засовов, и Настя, скользнув глазами по свиткам чистой бумаги, затейливым чернильницам, пузырькам с песком, которым присыпают написанное вместо промокашки, связкам гусиных и — подороже, на любителя — лебяжьих перьев, поспешила наверх, где *горница* хозяина, женская *светлица* и *трапезная*. Как и любое московское жилье, даже каменные палаты, дом близок по устройству к русской избе, состоящей из *клети* — жилого помещения и *подклета* — помещения для

хозяйственных нужд, для склада товара и торговли. Едва домочадцы разместились на сундуках и лавках (стульев еще нет в русском быту), хозяин начал говорить о смуте, коя учинилась на Москве. На Пожаре его чуть не побили вместе с другими купцами, лоток разграбили.

— На многих местех по воротам и по стенам прибиты воровские листы, бутто бояре Милославские, дьяк Башмаков и богач гость Шорин, хотя всех погубить и поддать польскому королю, чеканят поддельные денги. Всякого чину люди те писма чли и умыслили итти к царю просити, тех бояр чтоб выдал головою на убиение. Царь дал им на своем слове руку сыск и указ учинити, а сам велел тем боярам сохранитися у царицы и послал к Москве ближнего своего князя Хованского. Тот почал людем говорити, чтоб домов ничьих не грабили, но люди торговые, и хлебники, и пирожники, и мясники, и деревенские и гулящие люди, и многие стрельцы и солдаты надворного полку были в смятении, и теперь идет по Москве грабеж и кроворазлитие.

По мнению домашних, причиной тут финансовый трюк царя, который восемь лет тому назад ввел впервые медные монеты, объявив их равноценными оставшимся в обращении старым серебряным.

— Медные денги год от году подешевели, сперва ходили рубль против рубля, а потом почали ходить по 2, по 3 и по 10, по 15 рублев медных денег за серебряный рубль, а с торговых людей и с крестьян десятую и пятую денгу имали в казну серебром, а ратным людем давали жалованье медными денгами, против того как преж сего давано серебряными. Почало быть воровство великое, те медные денги белили и посеребривали и с серебряными мешали, как на медные все стало дорого и многие мрут с голоду. Как не учинитися тут кроворазлитию?

Хозяин веско предрек:

— Умыслит царь, чтоб еще чего меж людми о денгах не учинилося и повелит те медные денги отставить и не торговать, а приносить их в его царскую казну на Москве и в городех, и за рубль медных денег будет платить серебряными. А кто медных денег не похочет давать в царскую казну, тем велено будет их сливать и переделывать в котлы и во что кто хочет, а кто учнет медные денги держати денгами, им учинен будет заказ под смертною казнью. Также ис царские казны людем почнут давать жалованье годовое и кормовые денги серебром, и от того тем медным денгам учинится скончание!

Женщины менее оптимистично, но столь же, впрочем, точно предрекали иные события:

— Смутьянам противитися не уметь, у них в руках ничего ни у кого, и почнут они бегать и топитися в Москву реку... Всяких чинов людей, воров и невинных много переловлено, пересечено, сослано, казнено будет, а домы их и животы иманы будут на царя... Пытать станут и по сыску за вину отсекати руки и ноги, а иным, бив кнутьем, класть на лице признаки, розжегши железо накрасно, а поставлено на том железе «буки» — бунтовщик, чтоб до веку был признатен.

Женщины знали жизнь. Жадность богатевших бояр и купцов, расстроенное войнами хозяйство, растущие расходы на централизацию власти и укрепление крепостного права, окончательно узаконенного «Соборным уложением» 1649 г., безмерно множили налоги и возмущали трудовой люд. Царь жестоко подавлял смуты, Соляной бунт; беспощадно расправится он и с Медным бунтом, а потом и с восстанием Степана Разина.

— *Помилуй мя,* — сказал хозяин, надеясь, что пронесет мимо его дома и бунтовщиков, и карателей. Отвлечения ради достал нравоучительную кни-

гу, бережно раскрыл переплет из липовых дощечек, обтянутых кожей со сложным тиснением, любовно погладил бумагу с водяными знаками XVI в.— голова быка с острыми рогами и щетинистый кабан.

— За такую хорошие деньги можно взять, только на медяки ее отдавать не стоит, лучше повременить!

Нараспев начал читать из «Книги степенной

царского родословия» про великого князя Игоря, како сочетася со блаженною Ольгою:

— Игорю же юну сущу и бывшу ему в Псковской области, яко же нецыи поведаша дивно сказание. яко некогда ему утещающуся некими ловитвами и узре об ону страну реки лов желанный. и не бе ему возможно преити на ону страну реки. понеже не бяша ладийци. и узре некоего по реце пловуща в лодийце и призва пловущаго ко брегу и повеле...

Заглядывая чтецу через плечо, Настя едва следила за словами, написанными подряд, точки вместо запятых, часто то же слово через разные буквы; вслушиваясь в речитатив, не всегда улавливала смысл: «она же ему глаголаше. что всуе смущаешися. о княже. не прельщайся видев мя юну девицу и уединену и о сем не надейся. яко не имаши одолети ми аще и невежа есмь и вельми юна и прост обычай имам якоже мя видиши. но обаче разумех яко поругати ми ся хощеши и глаголеши нелепая. его же не хошу не слышати. дондеже юн еси блюди себе да не одолеет ти неразумие...»

Многие слова вообще неизвестны, о значении других с трудом догадываешься: *всуе* — зря, напрасно, *об ону страну* — на той, на другой стороне, а *обаче? дондеже?* И формы не сразу поймешь:

ему же бывшу в Пскове — когда он там был, *имаши одолети* — имеешь, т. е. сумеешь, можешь, одолеть. Главное же — слова нанизываются как бисер на нитку, без конца и остановок — вроде как мысль неорганизованная течет; это и есть синтаксис периодов, а не предложений. Почему же в книге будто другой язык, не тот, каким только что про смуту говорили? Правда, и в простом разговоре не все сразу поймешь: *домы их и животы иманы будут* — здесь *живот* не жизнь даже, а имущество. Трудно. И сам рассказ про Игоря с Ольгой по содержанию наивный какой-то, почти смешной.

Домочадцы же внимали с умильным трепетом. Но и им душеспасительное чтение не принесло успокоения. Когда завечерело и в светцах зажгли лучины, они то и дело проверяли, крепко ль задвинуты ставни, поговаривали, не попрятать ли посуду и иные ценности с *поставца* (их выставляли на этот стол, чтобы показать состоятельность и положение), даже оклады с икон в красном углу. Боязливая напряженность заразительна, и Насте стало не по себе.

— Твой род, как и Москва, выдюжит, Настенька, испытание и многие другие, более страшные, а сейчас прощайте: беда не обойдет этого Воробьева — Волшебный голос Гривны звучал без жалости.— Страсть торгашей не люблю: попортил он из корысти ни одну древнюю книгу. И — стыд сказать и грех утаить — с монетами фальшивил (а для Гривны это страшный грех: ведь все русские деньги от нее). *Когда не вижу своих, так тошно по них, а увижу своих, да много худых, так лучше б без них!*

Пообещав Насте рассказать потом историю денег, Гривна спросила: вполне ли Настя понимает своих предков на удалении в три столетия?

— Письмо — нет, даже если вслух читают, —

призналась Настя, пристыженно ощущая себя почему-то виноватой за проступки Воробьева в XVII в. — Нужно все время усилие, чтобы за речью следить. Напрягусь и вполне понимаю, но современным этот язык я бы не назвала. Забавно, но он как-то не кажется просто испорченным современным, как в XVIII в. Вроде просто какой-то другой. Книжное язычие совсем уж не назовешь неграмотностью. Вот живую речь еще можно принять за нашу необразованную...

Гривна согласно поддакнула и предложила условно называть язык XVII в. старорусским.

— Когда говорят, тоже не все ясно, — Насте хотелось еще поговорить об этом. — Даже из-за этих *учнет, почнет, станет* вместо *будет*. Звуки немножко не такие: где пишется ѣ, вроде и не Е: *увѣчье, вѣрить*, дѣло; услышала лИЕс, не сразу разобралась, что *лес*. Прабабку еще труднее понять — она из Владимира и окает: *от Ондрея Олексеевича*. И не склоняет: *расправа чинити, не давать им управа, земля очистити*. Кстати, ставят странное окончание — *на городех*. Древнее что ли? Раз листала чехословацкий журнал «Свет в образех». Но почему тогда рядом нормально *на улицах*?

Гривна снисходительно улыбнулась, пустилась в объяснения:

— Потому что *город* — мужского рода, а улица — женского. Окончания тут искони разные: *о городех* и *о улицах*. И в творительном подеже: *улицами*, но *городы*. И в дательном: *улицам*, но *городом*. Правильно поэтому *за высокими горами и высокими холмы; велел стрельцом и людем своим и женам; знался с бесы; за слободскими городы, за Тверскими вороты, двор с землею и с хоромы, мылня с сенцы*.

Когда-то склонения различались в зависимости от основы слова, теперь все большую роль играет грамматический род. Склонение во множественном числе,

как нынешнее в единственном, имело разные формы, зависимо от рода и звукового вида основы, теперь эти различия ослабли. Объединяются имена женского рода разных основ, все основы мужского и среднего рода сосредоточились вокруг основ на *О* (не подчинилось лишь слово *путь; печать* и подобные стали женского рода). Господство единых окончаний захватило и основы на *И (гостями, костями,* хотя чувствуются и старые *гостьми, костьми, лошадьми, людьми).* Остатки древних склонений и в таких словах, как *славянин, время.*

Косвенные падежи во множественном числе для тебя уже одно склонение: *ам, ами, ах* — под влиянием женских имен. За отдельными исключениями совпали и формы мужского и женского рода в именительном падеже. Являя пример приспособления архаичной морфологии к новым формам мышления и главенствуя с XV в., новая группировка существительных по типам склонения с унификацией окончаний установилась не сразу, долгое время старое и новое сосуществовали.

— Вроде как сейчас *с сестрой* и *сестрою, тракторы* и *трактора, без сахара* и *без сахару,*— обрадованно сообразила Настя. — Что же и тут в будущем выживет одна какая-то форма?

— Наверно, если не наметится какого-то смыслового или стилистического различия, оправдывающего обе. Между прочим, и старый творительный жил долго, вспомним у Пушкина: *подпер горы Угорские своими железными полки; за дубовыми тесовыми вороты.*

Выражение *со товарищи* живет, пусть шутливо, до сего дня. Тут еще одно: в письме дольше держались старых правил, писали (официально): *иноземцом дале Архангельского города к Москве не ездить,* хотя говорили уже *иноземцам.* Письмо всегда архаичное любит: *под древы, с сыны, в делех,*

ко врагом, при вратех писал и тот, кто говорил *под деревами, с сынами, в делах, к врагам, при воротах.* В Москве с XV в. путают: то *городом, городы, городех,* то, будто это женского рода, *городам, городами, городах.* Может быть, конечно, и хорошо, что по женскому роду выровнялись...

— А как еще? Ясно, женское начало сильней.

— Могли вообще не выравниваться. Как у чехов. Или выровняться по другому основанию. У сербов унификация пошла не по родам, а по падежам, отчего одну форму имеют сейчас местный, дательный и предложный. У болгар же просто исчезло все склонение.

— Почему? Почему у нас нет унификации в единственном числе?

Гривна не знала.

— Как это, ты и не знаешь? Ты же все знаешь.

— Никто всего не знает. Русским оказалось удобнее отказаться от сложных глагольных времен и развить систему видов — кто объяснит почему? Ведь англичанам, немцам да и болгарам, сербам удобнее было ее сохранить! Прислушайся: вокруг тебя, как в XX в., говорят *знал,* даже не всегда *знал есмь.* Но в книгах ставят по-прежнему *знахъ, уби, приидохъ, прияша, кричаху...*

— Почему по-разному говорят и пишут?

— Люди редко пишут и говорят одинаково, а в средневековье вообще письменный язык был обычно другим, чем разговорный, — ученым, искусственным, священным, часто совсем чужим. Московитяне не могут писать и рассуждать по научным вопросам, не прибегая к другому языку. Наоборот, в домашних беседах никому из них не обойтись книжным языком. Так и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славенски. Когда разговор касается важных предметов, и в устной речи прибегают к книжным средствам выражения, наука и даже светская

литература вся во власти книжности. Получается двуязычие. У каждого языка, а лучше сказать, помня, как они близки, у каждого язычия, свой произносительный облик, грамматический строй, словарь: *аз—яз—я, един — один, делаеши — делаешь, абие—скоро, еже — которые, паки — опять, дондеже — покамест, стогна — улица, стезя — тропа, рекл — сказал.* В книжном языке есть двойственное число *(ногама своима),* звательный падеж *(сыне, друже, царю, жено),* краткие местоименные формы *(помилуй мя, досадно бо ми есть),* древние глагольные формы.

Выходит, что много нужных в жизни слов *(рубаха, лапти, шуба, лавка, бочка, кочерга, лопата, блины, похлебка, щи)* непечатно. Крайне неудобно, что по многим темам вроде вообще нельзя написать, так как в книжности нет соответствующих средств. И двуязычие все время углубляется: если книжный язык почти не изменен, то живая речь вся в движении.

Настя вмешалась в рассуждения:

— Двуязычие, — значит, два язычия. Откуда они взялись? И куда делись?

— Книжное язычие к середине XVIII в. превратится в культовый, замкнутый в религии язык, хотя его элементы окажутся поразительно живучими. Ярок блеск славяномудрия, глубоки его исторические корни! Чем ученее хочешь казаться, тем больше переходишь на книжное язычие. Во всяком случае, чтобы не приняли за неуча, пишешь не так, как произносишь, а по правилам книжности (пишу *сегодня,* хотя говорю *сиводни).*

Лишь в отдельных сочинениях, например в замечательном «Житии протопопа Аввакума, им самим написанном», начинается сознательное смешение двух язычий, что знаменует начало конца их обособленности и надолго определяет дальнейшее развитие. Люди, все больше занимающиеся производством, все более просвещенные, явно теряют вкус к пропо-

ведям, житиям. Усиливается хозяйственно-политическая роль посадов, жителей торгово-ремесленных частей города, склонных к светским повествованиям. Все это порождает бытовые и сатирические произведения, в которых меньше чувствуются книжные традиции. И они записываются, подрывая монополию книжности в письме, нанося ей непоправимые удары.

— Пойди справься с нуждами общения, когда у тебя два язычия, — думает Настя. — Какая тут наука, прогресс? Сидят себе в патриархальной замкнутости. Ничего! Дремучая старина медленно, но уходит. Грядет новый мир, открывающий мою современность.

Прощаясь с мрачным домом Воробьевых, она говорит:

— Два язычия, даже сближающиеся, но разобщенные по сферам употребления и по структуре, решительно не соответствуют эпохе формирования нации и становятся крупным препятствием на его пути.

Гривна вновь перешла на профессорский тон и продолжила:

— Поэтому весь начальный период формирования русского национального языка идет под знаком преодоления двуязычия. Производство и товарный оборот, нужды рынка требуют, наряду с государственным сплочением территорий с населением, говорящим на русском языке (это стало фактом в XVI в.), их экономического слияния, концентрации местных рынков во всероссийский. Для образования нации необходимо устранение всяких препятствий развитию этого языка и закрепление его в литературе. Усиливающиеся междиалектные связи превращают общий национальный язык в литературный, отличающийся всенародным единообразием, крепкими и обязательными нормами, закрепленными в образцовой литературе, призванными и охраняемыми обществом, государством, школой. Именно в литературе язык

наиболее быстро развивается, совершенствуется, оказывая облагораживающее влияние на все разновидности речи. Богослужебные книги и душеспасительное чтение слишком узки по тематике, идеям, поэтому громадную роль играет появление демократической светской литературы, оформление художественных и публицистических жанров, трудов по истории, философии, науке.

Качественно новая система возникает на противопоставлении не типов языка, не язычий, ни одно из которых не в состоянии само по себе стать фундаментом всех сфер и содержаний общения, а на противопоставлении стилей, которые отнюдь не механически синтезируют все языковые богатства нации. Национальный литературный язык складывается к XIX в. на базе народно-разговорной московской речи. Этому способствует бурное обогащение языка в XVII — XVIII вв., когда в образованный обиход привлекается все больше собственно русских слов — *начальник, чиновник, подданство, всероссийский.* Окно, прорубленное в Европу, переводческая деятельность, общая европеизация открывают шлюзы иноязычности — *фрак, жилет, церемония, вензель, обыватель, армия, гарнизон, кухня, глобус, инспектор, рапорт, верфь, мичман.* Поток столь обилен, полноводен, что потомкам надолго хватит из чего выбирать; борьба с иностранщиной станет вечной заботой ревнителей чистоты русского языка. Ведь все хорошо в меру.

Переход от языка великорусской народности к русскому национальному языку начинается в петровскую эпоху, укрепляется понятием штиля, научно осмысленного Ломоносовым. Учреждение Академии наук, учебных заведений, реформа азбуки, обильное издание книг — все ускоряет распад двуязычия, обостряет смешение типов языка. Сумятица, неупорядоченность в применении разных средств царят

долго и постепенно преодолеваются грамматиками и словарями-лексиконами. О переводных словарях, облегчающих освоение западной науки и культуры, пекся Петр I, требуя: «... где какое именование явится, выписывать в особливую тетрадь. Сие выписав, перевесть на русский язык». Собственноручно правя «Лексикон вокабулам новым» в духе эпохи и сгиба ума русского, вычеркнул редкие слова, исправил ряд толкований: вместо *застава* при слове *барьер* написал куда точнее: *преграда,* при слове *глобус* исправил *круг земной, в подобие яблока построен* — было явно хуже: *в подобие яйца.*

Гривна вздохнула и заметила, что иной раз филологические пособия как раз укрепляли двуязычие. Книгопечатание светских книг, а оно началось куда позже печатания книг духовных, способствует укреплению языка в подчеркнуто книжном духе. Отступления от традиций письма кажутся досадными с разной мерой терпимости в разные эпохи нарушениями вообще порядка; за них перестали сечь очень поздно! В сборнике церковных постановлений «Стоглаве» указывается: «Которые писцы по городом книгу пишуть, и вы бо им велели писати с добрых переводов, да написав правили». Продажу непроверенной и неисправленной церковниками книги возбраняли с великим запрещением; доставалось и продавцу, и покупателю, а книга изымалась.

Расхождение между язычиями подчеркивалось орфографией. Когда жизнь заставила записывать и то, чего не было в книжности, стала складываться особая приказная письменность, о которой мы узнаем на следующей остановке в XVI в. Так вот Указ о едином правописании 1675 г. позволял, например, «того в бесчестье не ставить и судов в том не давать и не разыскивать, кто в челобитье своем напишет А вместо О, Е вместо Ѣ и иные в письмах наречия» Но заповеди строгой старины преступались с трудом,

КОМЕДИА

ГЕОМЕТРІА
СЛАВЕНСКІ
SЕМЛЕМѢРІЕ
ПЕТРА АЛЕКСІЕВИЧА
МОСКВА
РЕЛЯЦІЯ.
СЕГО АВГУСТА ВЪ 6 ДЕНЬ,
ЗДѢСЬ ОТЪ ГЕНЕРАЛА
Изображеніе древнихъ и новыхъ
печатныхъ и рукописн
А а Азъ
Б б Буки
В в Вѣди
Г г
Д д

а в церковных книгах вообще не преступались.

Гривна принялась было рассказывать о том, что впервые упорядочил русский язык Ломоносов в своей «Российской грамматике», но Настя решительно перебила ее:

— Хватит возвращаться в будущее. Знаю, куда язычия делись, а вот откуда они пошли? Наш путь в глубь веков. Посмотрим, как язычия в письме были, особенно это, живое. И про деньги не забудь, раз обещала, рассказать.

— Ну ладно, о деньгах, так о деньгах. В старину бумажных денежных знаков не было (в России первые, ассигнации, появились в 1769 г.), а стоимость металлических определялась ценностью веса золота или серебра, из которых они делались. Как всякое феодальное средневековое государство, считавшее себя независимым, удельные княжества Руси XIV—XV вв. чеканили монету по своему образцу и весу. Наиболее распространены были *денга* Новгорода и московская *денга*, вдвое легче *новгородки*. Пестрота разнотипных монет разного веса затрудняла перерасчеты, тормозила торговлю, подрывала экономику. Настоящим бичом была постоянная порча монет.

Царь Алексей Михайлович реформировал деньги без учета рыночной стоимости металлов, без технической подготовки, знания экономики и потребностей рынка в монете. Впервые выпущенная монета *рубль* равнялась по номиналу 100 старым *копейкам*, а по весу — лишь западноевропейскому *талеру*, известному у нас под именем *ефимок* и весившему немногим более 50 копеек. Их перечеканивали штемпелем, удостоверявшим, что эта монета отныне не ефимок, а рубль, *ефимок с признаками*. Еще их разрезали на четыре части и каждую клеймили как *полуполтину*, 25 копеек. Одновременно выпустили медные монеты, в частности *полтину*, или *полтинник*, которую народ ехидно прозвал *медным ефимком*.

Желая собрать у населения ценный металл, казна принимала налоги только серебром. Расстройство экономики из-за обесценения денег, спекуляции и фальшивомонетничества, недовольство купцов, ремесленников, посадских людей, у которых отбирали серебро и за все платили медью, и вызвали Медный бунт, подавив который правительство благоразумно вернулось к дореформенной денежной системе.

— Ты видела только что, как падал курс медных денег, покупная способность: они не удержались в цене на одном уровне с серебряными, ибо рынок не подчиняется прихоти царя. Равноценными они могут быть, лишь став знаками стоимости, когда номинал законодательно гарантируется государством и не зависит от веса, вообще реальной ценности.

Превратить монеты в номинальные денежные знаки царю Алексею не удалось. Это сделал его сын. Свою реформу Петр I провел тактично, исподволь, 15 лет готовя народ к принятию столь ненавистных медяков. Сначала выпустили медные *денгу, полушку* и *полуполушку* ($^1/_2$, $^1/_4$ и $^1/_8$ копейки), объясняя населению, что по закону две денги, четыре полушки или восемь полуполушек равны серебряной копейке и что она сохранится; медь же введена только как мелкая разменная монета — для удобства торговли. Ее и назвали *мелочь* — словом, сохранившимся с более общим значением до сего дня.

Серебряный рубль был такого же веса, что и рублевик Алексея Михайловича — западный талер, но по весу теперь действительно равнялся 100 незаметно облегченным копейкам, которые превратились в такие крохотные кусочки серебра, что считать их стало труднее, чем медяки. Вместе с рублем в 1704 г. была выпущена и медная копейка. Новая реформа соответствовала интересам возраставшей коммерции мощного Российского государства. Кстати, Россия — первое государство, создавшее самый простой и удоб-

ный денежный счет, какой можно себе представить. Много позже на десятичную систему перешли Франция, Германия и США.

Старорусский язык: деловая письменность

Зачатки прогрессивного денежного счета ввела единая общерусская монета. Новая денга (по весу равнялась *новгородке*), а традиционный для Москвы всадник был изображен не с мечом, не с саблей, а с копьем в руке. Чтобы отличить ее от вдвое меньшей старой *московки*, оставленной в обращении, большую стали называть *копейной денгой, копейкой*, а меньшую — *мечевой, сабельной, сабляницей* или по привычке просто *денгой*. Долго люди считали по старинке на денгу, называя копейку двумя денгами. *Полушка, полуденга*, тоже выпущенная как всероссийская монета, составляла половину сабляницы и четвертцу копейки, но слово не прижилось, и вопреки смыслу говорили *полушка*, хотя на ней впоследствии стояло $^1/_4$ копейки. И монету $^1/_2$ копейки, выпускавшуюся уже при Советской власти, называли по-прежнему *денежкой*. Слово *полушка* живо, пожалуй, лишь в пословице *За морем телушка полушка, да рубль перевоз*, а *денга*, по происхождению, кстати, восточное (тюркское «таньга» — «звонкий»; индийцы называли серебряную монету «танка», татары — «тенга»), в конце XVIII в. стало писаться через *Ь*, употребляться во множественном числе и собирательно обозначать средства, знаки стоимости. Рубль с возобладанием десятеричного принципа стал пониматься как 100 копеек, а до того был названием счетно-платежной единицы, равнявшейся 200 денгам, или 400 полушкам.

За рассказом наши героини отсчитали еще сотню лет или около того. Москва и до опричнины громад-

ная, имеет население 150 тыс. душ. Ясно обозначился Белый город — будущее Бульварное кольцо. Растут застройки Китай-города, достигшего сегодняшних размеров, и Заречья. Современники-иностранцы восторгаются: «Это самый славный изо всех городов Московии как по своему положению, которое считается срединным в стране, так и вследствие замечательно удобного расположения рек, обилия жилищ и громкой известности своей весьма укрепленной крепости... Почти все дома имеют при себе отдельные сады как для пользования овощами, так и для удовольствия, отчего редкий город представляется столь огромным по своей окружности... У самой главной части города впадает в реку Москву речка Неглинная, которая приводит в движение зерновые мельницы».

Настя узнает многие давно не существующие строения, башни, ворота. Откуда? По альбому зарисовок «Старая Москва»? Скорее из-за кирпича: однажды с отцом ходила в Донской монастырь и там в филиале музея архитектуры узнала о так называемом брусковом кирпиче, появившемся в Москве с XV в. Вот перед глазами прямо на улице кирпичные сараи, где вырабатывают эти кирпичи, особенно небольшие — для выкладки печей.

Кирпичные стены Кремля с шестью проездными башнями и отводными стрельницами выложены из государева большого кирпича; его обжигают в этих же сараях.

Вспомнилось, как папа читал надпись, вырезанную на плите в проезде Спасской башни: «В лето 6999 (т. е. в 1491 г.) сделана бысть сия стрельница... а делал Петр Антоний от града Медиолана». Так увековечил себя миланский мастер Пьетро Антонио Соларио.

Стоят каменные соборы, зубчатые стены, башни, пока еще не увенчанные мастерски шатрами. Им

стоять вечно! Монументальность памятников Новгорода переплетена здесь с изысканностью владимиро-суздальского зодчества. Великие кирпичные работы придали Кремлю и всей Москве очертания, сохраняющиеся полтысячи лет. Так подчеркнута была непререкаемая и великая роль Москвы.

Знакомая усадьба. Дом совсем малюсенький. А вот и хозяин, государев подьячий Московского казенного двора Федор Борисов сын Воробьев. Стоит он за

высокой конторкой, макает остроочиненное перо в чернила, нанизывает орнамент вязи. Жалованье у него целых 30 рублей в год, но расходы больше. Подрабатывает он заказами на дом, благо переписывать есть что, но главное для него — челобитные: ворохом навалены в свитках-столбцах, в них за завитушками скорописи — судьбы людей, самая жизнь. Они все на бумаге; пергамен дорог (он для важных царских бумаг), на досках и лубе-бересте Федор не пишет.

Рукописные книги, искусно, с любовью сделанные, — предмет почитания. Их берегут как зеницу ока, их первыми спасают от пожаров, набегов. Скоро Русь узнает книгопечатание, в 1563 г. в Москве откроется Печатный двор. Книги русского первопечатника Ивана Федорова воспроизведут на новой технической основе лучшее, что накоплено рукописными. Да и не дешевле они сначала. Печать одобрена церковной и царской властью лишь ради несомненно точного копирования святых книг, чтобы устранить отсебятину, неизбежную при кустарной переписке. Иное дело, что, вопреки церкви, книгопечатание способствует отнюдь не только расцвету богослужебной литературы.

Стараясь привлечь Настино внимание, Гривна опять затевает разговор о деньгах:

— Причудливо складывались названия денег. Вот монета алтын, алтынник (от татарского «алты» — «шесть»), наверно, для удобства выплаты дани татарам, имевшим двенадцатеричную денежную систему: рубль=33 алтына+2 денги. Алтын — 6 московок, потом 3 копейки (немного — про приданое бедной девки в «Капитанской дочке» Пушкина сказано: *чистый гребень, да веник, да алтын денег, с чем в баню сходить).* Языковая метаморфоза, превратившая 6 в 3, ощутима в нынешнем названии 15-копеечной монеты — *пятиалтынный*. Своеобразна рус-

ская монета в 3 копейки; ее неразумно называли *гривенным*.

Помолчав, Гривна сменила тему:

— Поневоле заяц бежит, когда лететь не на чем. В книжном языке нет этих слов, как и других, важных для развивающегося хозяйства и производства. Нет и слов *дума* (орган управления государством), *приказ* (орган управления отдельными отраслями), *повытчик, подьячий, дьяк* (кто сидит в приказе), *земские и съезжие избы* (на местах), *сотник, стрелец, пристав, солдат*. Книжные параллели, где есть, не равноценны: *господин, вотчина* (с XV в. московский князь именуется *государь*, а объединенные вокруг него земли — *государство;* с Ивана IV — *царь, царство), раб, смерд, холоп, селянин* (крепостничество же требует слов *крестьянин, мужик).* Слов таких пруд пруди: *дворец, башня, кушанье* или *еда*, а не *терем, вежа, страва!* Книжная лексика не отражает, ясное дело, русскую жизнь, а русские слова писать вроде запрещено (пишут-то на книжном язычии). А жизнь требует их писать!

С трудом, но все же и на письме — бумаге выводят: *зажигальник* (поджигатель), *живота не дати* (предать смертной казни), *отказатися* (расторгнуть договор вместо книжного *отречися*), *лай* (ссора, брань), *язык* (пленный), *бой учинити, окольные пригороды, кормовые запасы, посад, пищаль, отхожий, целовальник.*

Московский говор изменяет значение и форму многих слов: *господин — господарь — государь — (о)сударь*. Еще у Грибоедова первоначальное ударение: *А вас, суда́рь, прошу я толком Туда не жаловать ни прямо, ни проселком. Боярин, боярский* (член верхушки княжеской дружины и совета, вольный слуга князя) теперь означает лицо, пожалованное высшим придворным титулом, члена боярской думы, и развивает значение *крепостник, землевладелец,*

вотчинник, помещик, одновременно меняя форму — *барин, баре, барский.*

В кипящем котле диалектного многообразия, говоров посада, образованных людей, аристократов выплавляется система отшлифованных практикой средств выражения из устной речи, фольклора. Отмирают одни, переосмысляются другие, творятся третьи, перегруппировывая семантические пласты, изменяя продуктивность типов словопроизводства, определяя наиболее общие морфологические формы, отрабатывая модели синтаксиса.

Иван Грозный, пользующийся славой искусного книжника (*в науке книжного почитания доволен и многоречив зело),* строго соблюдает в официальных бумагах книжные правила, но в частных письмах не скупится на разговорность. В «Домострое» как бы на разных языках написаны главы по *домовому строению* (о быте, ведении домашнего хозяйства, об устройстве жилища) и религиозные главы, касающиеся власти, веры, поведения русского человека: «А у кого дочь родится ино рассудны люди от всякого приплода на дочерь откладывают на ее имя... а как за муж заговорят, ино все готово, и толко ранее хто о детях не смышляет да как за муж давать и в ту пору все покупать». Не могли не прибегать к живой речи и первые публицистические произведения XVI в.: «Сказание о Магомете салтане» Ивана Пересветова, повести о «Горе-Злосчастии», об «Азовском осадном сидении» (об осаде Азова турками в 1641 г.; в основе — подлинная казачья отписка).

Смешение двух язычий наблюдается порой в одном тексте, но вообще-то их стараются не смешивать, во всяком случае не пишут, вставляя в книжный текст житейские слова, ничего, кроме повседневных документов. В них и складывается особая письменность, не обладающая величием и блеском книжной, но играющая великую роль в обществе.

жалованная грамота
верительная грамота
ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА
ПОХВАЛЬНАЯ ГРАМОТА
челобитная
филькина грамота
ФАМИЛИЯ
ИМЯ
ОТЧЕСТВО
Заявление

БУДЬ ДОБР, МИЛОСТИВ,
ПОЖАЛУЙ /СТАТЬ/СТА,
ПОЖАЛУЙСТА
МИЛОСТИ ПРОСИМ
Милостивый государь
Господин мой
Дражайший друг,
Вы...
ПРОШУ ЛЮБИТЬ
И ЖАЛОВАТЬ
ПРИНЯТЬ К ДЕЛУ
НАЙТИ УПРАВУ
БЬЕТ ЧЕЛОМ
И ПРОСИТ МИЛОСТИ
БЬЕТ ЧЕЛОМ
И КЛАНЯЕТСЯ
СМИЛУЙСЯ
УЧЕНИ УКАЗ
МИЛОСЕРДУЙ
ПОМИЛУЙ
ПОЩАДИ
ХОЛОП ТВОЙ
ГОСУДАРЕВ
КНЯЗЯ ЮРЬЕВ
СЫН МЕЩЕРСКОГО
АЛЕШКА
ИВАН-НЕ КНЯЗЬ
ФАМИЛИЯ – (нет)
ИМЯ Иван Васильев сын
ОТЧЕСТВО – (нет)

Это так называемый государственный, приказной язык — деловая письменность.

Федор Борисов сын, знаток и мастер его, рассуждает вслух о челобитье: *бить челом,* т. е. лбом, головою о землю, — значит «кланяться низко, земно». Не писали раньше бумаг, а являлись лично и сказывали жалобу. Теперь так говорят, когда просят, жалуются, даже благодарят, когда приветствуют, встречаясь и прощаясь. Говорили смешно — *жалобница,* ныне порядок наведен — *челобитная,* чтобы едино со всеми грамотами, как древние договорные, докончальные, перемирные или данные, жалованные, духовные и нынешние — льготная, беглая, бессудная, купчая, крепостная, вкладная. Грамотой больше царскую бумагу называют, а если частная, то *грамотка.* И *челобитная* вроде общее название разных документов.

Настя соображает: вот откуда *похвальная грамота.* И *филькина грамота* отсюда, и *верительные грамоты,* что послы вручают. Предок тем временем продолжает, что челобитная — и жалоба, и прошение, иск, извет, какой ни есть письменный акт. Исковая челобитная — заявление в суд, изветная — донос по государеву слову и делу, повинная — признание вины и мольба о смягчении наказания, мировая, отсрочная и много иных. Еще важнее царские указы, отписки (донесения воевод в ответ на указ), сказки (обличительные речи, что зачитывают государственным преступникам перед казнью), допросные речи, ставки, доезды и иные дела Тайного приказа, дипломатические письма, таможенные, писцовые, записные кабальные книги, поручные записи. Но это не челобитные, не по мне.

Все же, снисходя, словно почуяв Настино любопытство, прочитал Воробьев образец указа: «От царя и великого князя... столнику нашему и воеводе... По нашему великого государя указу Степан Гри-

горьев сын Борисов для старости от нашие государевы полковые службы отставлен, а в его место нашу государеву полковую службу с поместья его велено служить сыну его Ивану. И как к тебе ся наша государя великого грамота придет и ты Степана Борисова на нашу государеву службу впредь высылать не велел. Писана на Москве, лета 7067, февраля в 3 день».

В челобитной так просто не напишешь. Колико удобно, толико и неприменимо. В ней что ни слово, то на своем месте должно стоять, а то челобитчику не послужишь и сам осрамишься.

В челобитных от неимущего люда, крестьян часто все напутано. Чего взять: пишут их грамотеи из мелких приказных людишек, там сельский иль церковный дьячок, приказчик, староста, сиделец. А то и сам челобитчик: раз-де грамоте учен, могу не платить писцу. Только грош им цена, таким бумагам.

Сам Федор Воробьев у знаменитостей учился, всю жизнь пишет, куда как наторел и то иной раз задумается, начерно напишет, потом правит и перебеливает. Дела, ох, разные! Но писцу не мнение высказывать, а все многообразие упорядочить. Он испытанной расторопности и верности советник. Много светлых голов билось над формами порядка, и теперь легко изложить кратко, ясно суть любого челобитья, от кого оно, да еще и польстить тем, кто читать будет. Затевая хлопоты или испрашивая разрешение, вразумительно вложить в принятые формулы всякие взволнованные, пристрастные, многословные просьбы, жалобы, заявления.

Бьет челом и просит милости. Бьет челом и плачется. Бьет челом на — так вводим личность: *рукоприкладства* (личной подписи, как, впрочем, и имени писца) в челобитных нет, разве в коллективных жалобах, *заручных челобитьях*. Кстати, *подписная* челобитная — такая, по которой верховная власть,

приняв решение, не стала издавать указ, выдавать льготную или иную грамоту, а прямо на ней подписала, сделала юридической силы помету.

Настя невольно перевела на свой язык: наложил резолюцию, поставил визу и печать. Ей открылась вся грандиозность делового языка, выработавшего обобщенные бланки для кодирования типовой информации в четком обслуживании сложного управленческого аппарата государства и социально-хозяйственного организма. В классе смех, когда учительница заставляла писать заявления, автобиографию, справки, докладные записки, стенограммы и выписки из них, решения, постановления, протоколы собраний. А если всерьез? Как трудно сочинить простейшее заявление, даже зная принятый стандарт: *Директору... от ученицы* (или *от* не надо?) *такого-то класса такой-то школы* (имя впереди фамилии или после?) *Заявление* (с большой буквы, хотя странно последнее слово в общем-то одной фразы писать как заглавие). Честь и хвала Федору и другим подьячим средневековья, изобретателям разных «дана сия в том», выдержавших миллиарды повторений!

Федор же тем временем распространялся с увлечением о том, что, излагая, как положено, суть, важно и живое словцо вставить, которое на жалость бьет.

— Хитрость в том, чтобы прошение униженным сделать: челобитчика именуем холоп, сирота, а то раб, смерд. Хотя холоп — кабально зависимое лицо, сирота — просто крестьянин, здесь они значат покорный, верноподданный, слуга. Сирота в письме только и употребляется, в обиходе говорят человек, крестьянин, крепостной. В народе сирота, сиротка — беспомощный, бесприютный бедняк или оставшийся без отца-матери ребенок, овдовевшая женщина, но грамотные этого не принимают и никогда не примут. (Ха, — подумала Настя, — именно это значение и станет литературным!)

Челобитчика именуем *полуименем,* ставим имя в уничижительную форму, пусть он князь. Многоопытный писец исхитрится косвенно упомянуть чин и княжество: «бьет челом холоп твой государев князя Юрьев сын Мещерского Алешка». Целыми именами называем только поминаемых по делу лиц.

Насте тошнотворны эти *человечешки, человеченки, людишки, сироты и холопы, Васьки, Петрушки, Ваньки, Варварки!* Гривна возмутилась:

— Это же этикет феодального общества — при обращении на *ты* вежливость выражать уничижением себя и возвеличиванием адресата! *Челом бьет холоп твой Петрушка Ромодановский,* а в указе-ответе: *от царя стольнику нашему и воеводе князю Петру Григорьевичу Ромодановскому.* Устанавливая новые европейские нормы, Петр I указом 1701 г. отменит Машек и Мишек: «Полуименами никому не писаться». На практике помещики-крепостники сохранят их, впрочем, до 1861 г. А вы не злоупотребляете ли в школе кличками *Петька, Колька, Настька*?

Петровские «Приклады, како пишутся комплименты разные» и «Комплименты или образцы, как писать письма к разным особам» узаконят *Вы, Ваш* как обращение к одному лицу с формулами *Милостивый государь, Господин мой, Высокочтимый приятель, Дражайший друг, Приятнолюбезный сродственник* и подписями *Ваш покорный слуга, Остаюсь к услужению готовый.* Укоренить новый этикет способствует популярное руководство 1717 г., как вести себя в той или иной ситуации, — «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению».

Галантный язык, предшественник карамзинского языка милых дам, долгое время причудливо уживается с традиционными нормами.

Гривна умолкла, а Федор как раз ворошит бумаги. Все больше посадские пишут. Вот купец, конюх, ямщик, пушкарь, певчий дьяк, иконописец, лекарь,

денежного двора боец, костяного токарного дела мастер, иноземного кружевного дела мастер. Посадские люди московских сотен и слобод обозначают свое положение не профессией, не *посадский человек*, а словом *тяглец*, т. е. лицо, несущее государственные повинности и платящее подати. Купечество высших гильдий, Гостиной и Суконной сотни, и это слово опускает: «бьет челом холоп твой гостиные сотни Васька Шорин». По Уложению за бесчестье члена Гостиной сотни на 20 рублей штрафуют, за бесчестье суконщика — на 15, а черных сотен и слобод — всего на 7. Особняком стоят кадашевцы, жители Кадашевской хамовной слободы, где ткут столовое белье на дворец (хамовники) и полотно для нательного белья государева семейства (кадаши), а также жители Огородной и Садовой слобод, поставляющих ко двору овощи и фрукты.

Предок Борис с увлечением читает: «Црю гсдрю бьет челом холоп твои москвитин Больших Лужников теглец Сенко Федоров снъ Дюпин, умилостивися гсдрь пожалуй ссудою для моей скудости как тебе милосердому государю обо мне бог известит. Гсдрне црце бьет челом раба твоя беспомощная вдовка Варварка дочь Логинская все о нужде своеи и о бедности. Бьют челом и плацютца сироты твои государевы вотчины твоей старостишко Петрушко Трофимов да крестьянишко Ивашка Евстифеев пожалуй вели милосердый государь отпустить к Москве работишкою своею покормитца. Гсдрь смилуйся пожалуй бьет челом и извещает холоп твои государь стрелец Минка Глазун на стрельца Харламка Хлоповского что он про тебя великого государя говорил непригожие слова...»

У Насти голова кругом идет от писанины этой, крючкотворства, возведенного в принцип самоуничижения, подобострастной лести.

— Иной раз не язык, мысль непонятна. Где гордость, совесть? Дико же идти заказывать писцу написать донос!

— Доносят, потому что себя берегут, — вскричала Гривна. — Иван Грозный на троне!

Но Настю не остановить: от приказной волокиты и наши перлы вроде *освобождение от работы за упущения, связанные с недообеспечением должного уровня руководства предприятием.* Кроме нужного управленческого дела канцелярский язык всегда служил обману, угнетению. Недаром Чехов сказал о нем: «Какая мерзость!» Гривна и согласна вроде, и несогласна:

— Мерзость мерзостью, но и источник нашей непростой и всемогущей речевой культуры.

— Из приказных формул вышло много жизнеспособных речений: *милости просим, прошу любить и жаловать, взять на поруки, дать очную ставку, неявка в суд, принять к делу, возложить вину, найти управу, отдать под суд, не дать умереть голодной смертью, вконец погибнуть, дать видеть свет, быть в опале, душой и телом.* Тут сложился самый тип глагольно-именных сочетаний вроде *принять решение, обеспечить выполнение.*

Особая судьба открылась слову *пожаловать, пожалуй,* включавшему по интонации в себя множество оттенков: *пожалуйте в горницу, корову, пожалуй, продай, пожалуй вели, пожалуй ста укажи выдать.* Усилительная частица *ста* (от *стать* или от *сударь;* у Пушкина в «Истории села Горюхина» уже иронически: *Все ли-ста здесь? — повторил староста. Все-ста, — отвечали граждане)* постепенно в значении «будь добр, милостив» срослась с *пожалуй* — до *пожалста!* Воспринимавшееся сначала как неграмотность, как вульгарное приказное самоуничижение (его не советовали употреблять вместо правильного *пожалуйста* еще в середине XIX в.), *пожалуйста*

стало у нас литературным словом, многозначным и любимым.

— Что до смысла,— продолжала Гривна,— то волокиту (самое слово изобретено в недрах приказного языка XV в.) едко высмеивали в сатирах на крепостной строй и московскую централизованную власть. «Повесть о Ерше Ершовиче» рассказывает, например, как судили вора и разбойника Ерша Ершова сына. Сатирическая имитация челобитных — основа многих повестей. Приказной язык служил, конечно, волоките, но служил и высмеиванию ее.

В форме челобитных писали публицисты, явно рассчитывая на массового читателя. К приказной письменности относятся статейные списки — отчеты русских послов. Складные, длиной в несколько метров, узкие листы бумаги исписаны *столбом* (отсюда название) сверху донизу без перерывов пересказом речей, которыми послы обменивались с деятелями стран пребывания. Тут рассказы о церемониях, городах, нравах и обычаях населения, политических событиях. *Столбцы,* позднее Куранты, как все зарубежные новости, окружены на Руси государственной тайной (их впервые официально рассекретит газета Петра I), но все же играют роль в развитии языка.

Вот посол Г. Микулин докладывает из Англии, как его встретил «королевин дворовый воевода лорд Хартберг Пенброк, а с ним князи на жеребцех и на конех в наряде и в золотых чепях, как въехали в посад в Лунду и в те поры было по реке по Темзе в судех и по берегом по обе стороны и по улицам людей добре много». Есть и описание Лондона: «А город Лунда Вышегород камен невелик стоит на высоком месте, и около него воды обводные. А большой город, стена камена ж, стоит на ровном месте около его версты с четыре и больши; через реку Темзь меж посадов мост камен, а на мосту домы

каменные и лавки и торг великой устроен со всякими товары».

Деловой язык выходит за пределы официальных документов в хозяйственных наставлениях, лечебниках. Он ощутим в знаменитом «Хожении за три моря» — путевых записках тверского купца Афанасия Никитина, отправившегося в 1466 г. в Персию и попавшего после долгих злоключений в Индию: «И тут есть Индейская страна и люди ходять нагы все, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу плетены... А князь их фота на голове, а другаа на бедрах, а бояре у них фота на плеще, а другыя на бедрах... А зимовали есмя в Чюнейре жили есмя два месяца, а всюду вода да грязь. В те же дни у них орють да сеють пшеницу...» При всей непринужденности повествования купец не уберегся и от архаически-книжных слов: *град, нощь, в руце, в дорозе, в доспесех, придох, сказах*.

Письменность приказов в целом весьма органично сливала народные и книжные средства языка, обладавшие жизненностью; она расширяла поле своего применения. Отражая пестроту московского разговора, она не копировала его, а учитывая традиции и храня преемственность (в Киевской Руси тоже ведь была деловая письменность, отражавшая живой язык только, конечно, Киева), многому училась у книжности. В ней сохранялись по инерции, скажем, утраченные живой речью аорист, имперфект, двойственное число. Но закреплялись, и это главное, великорусские нормы, отличные от книжных, своя фонетика и морфология, своеобразный синтаксис. До сих пор живет шутливым архаизмом официальный формуляр *атаман казачий Васька Ус с товарищи*. Но вот повтор предлогов, взятый челобитными из фольклора, как норма не прижился: *извещает на кадашевца на тестя своего на Федора, на твой на боярский на житный двор, на реке на Шуе*, у Афа-

насия Никитина *полез есми на судно на послово и съ товарищи*. Ломоносов признал такой повтор простонародным излишеством.

Фиксируя живую речь, письменность приказов в свою очередь ее упорядочивала. Будучи государственным средством общения, она воздействовала на речь москвичей и всех жителей Московии, ибо насаждала свои нормы. Освященные официальными сношениями, эти нормы воспринимаются как образец для всех грамотных людей и в быту, в переписке, в сочинительстве. Унификация шла по всей стране сразу. Столичные приказы закладывали фундамент общего языка решительнее, чем даже древняя книжность, чем святые книги.

Настя прервала Гривну:

— Знаю: деловая письменность породила свое язычие — приказной язык, зафиксировавший (и тем давший им большие права) черты живой речи Москвы, письменно их облагородив, нормировав. И главное, этот письменный язык был собственно русским. Он, ясное дело, и стал основой общего будущего русского литературного языка...

Гривна поспешила возразить:

— Не стал: вспомни Ломоносова, Пушкина! Не смог стать из-за своей скованности делопроизводством, архаичности, однообразности и трафаретности. Не сумел он достаточно расширить свои функции и, хотя закрепил собственно русскую живую норму, не стал в довольной мере богатым, народным. Вклад его велик, но не во всем благотворен: от него и наша приверженность *канцеляриту*. В нем очень неблагоустроена грамматика; далеко ему до той организованности, к которой мы привыкли в современном языке и которая устанавливается многовековой шлифовкой, всесторонней обработкой. Хотя он и не замыкался в канцелярских бумагах, созданные на нем произведения, выходящие за рамки слу-

жебного пользования и становившиеся, как сатирические повести, материалом для широкого чтения, пахли стойками приказов. Густо лежала на них чернильная печать!

Одно время казалось, что приказной язык вроде синтезируется в единый общий литературный язык. Указующе властно звучал совет Петра I переводчикам «со всем усердием трудиться и высоких слов славенских класть не надобеть, но посольского приказу употреблять слова». Его приближенные, «птенцы гнезда Петрова», писали на этом языке дневники, вели записи о заграничных путешествиях. На нем составлялась газета, пробовали писать художественные произведения.

Все же приказная изобретательность не смогла развеять завесу славянизированной книжности. Деловой язык слишком сам зависит от книжного язычия, чтобы обеспечить воцарение живой речи в письменности. Он не третье язычие, не мост между двумя. К сожалению!

Но мы совсем забыли про Федора Борисова сына Воробьева. Вот он приветствует родственника из подмосковной деревни, крестьянина Петруху Воробья:

— Здравствуй, каким делом приехал?

— Как вас бог милует? Возьми вот, гостинцев привез — огурцы, капуста соленая и свежая, репа, яйца, мед пресный. А приехал я, Федорушко, не с торгом, а бить челом... Вся надежда на тебя.

Настя пропустила мимо ушей, о чем просит Петруха и что Федор обещает «утре написать». Ее волнуют имена: почему не Федор Борисович, не Петр Воробьев? Всезнающая Гривна вновь пускается в объяснения.

— Разве не говорили вам на уроках истории, как фамилия Ивана Грозного? Не знаешь? Нет у него фамилии, хотя он из рода Рюриковичей (дедичество от Рюрик). Трудно это себе представить, но в узком

мирке обходятся одними именами. Потом записи типа «се куписе Анфиме у Тимофея нива на Марожи на реке» стали приводить к спорам: поди докажи, что ты наследник именно нужного Анфима! Даже князья, с XI в. добавлявшие отчества, прибегают к прозвищам-уточнениям: *Василий Большой Андреевич.* Примеру следует и люд попроще: *дьяк Угрим Львов сын Выродов, Федька борода Петров дворник* (т. е. арендатор двора). Прозвища спасают от хаоса, но разброд мешает, и центральная власть приказывает писаться *с отцы и с прозвище,* т. е. узаконивает трехчленную форму, прообраз нынешней паспортно-анкетной Ф. И. О.: *воевода Борис Семенович Дворянинов, подьячий Игнатий Петров сын Недовесков.* Так у русских людей появляются фамилии — массово в XV—XVII вв. Как правило, они от отчеств, дедичеств или прозвищ — кого как зовут по рождению, кого как нарекли. У многих фамилии пошли от их ремесла: пушкарь, рыбник, портной, кузнец.

Кстати, об отчествах — на *ич* имеют право только князья: царь Иван *Васильевич,* а не Иван *Васильев сын.* Нельзя Федора назвать *Борисовичем* — это привилегия высшей знати. Даже позднейшие «Табель о рангах» и «Чиновная роспись» позволят писаться на -вич только особам первых пяти классов; лица в должностях с 6-го класса по 8-й могут именоваться полуотчеством, остальные только по именам. Но это будет, когда фамилии узаконятся (само слово *фамилия* войдет в русский язык при Петре I), пока же они случайны, необязательны.

К твоему роду издревле пристало прозвище *Воробьи,* от него и фамилия. Деревенского Петра по-прежнему кличут *Воробей,* а горожанин Федор зовется уже *Воробьев* (притяжательное прилагательное: потомки Воробья — Воробии, Воробьины, Воробьевы) — сначала только так, а потом и офици-

ально, в переписях XVII и XVIII вв., когда писцовые книги заменят ландратными, более известными как ревизские сказки, и когда сложится единая для всей России система фамилий. Тут твои предки и обнародовали свое древнее семейное прозвище, которое хранили веками, хотя скрывали от людей, пока языческие мирские имена были с XIII в. под запретом. В каких-то книгах они записаны: «Ефимко Воробей, крестьянин» (1495 г.); «во дворе Андрей Осипов сын по прозванию Воробей, у него два брата Алексей квасовар и Тимофей швец Воробьины, а сын его Алексей взят на Москву в плотники, а жена Федосия умре». Прозвища и сейчас служат фамилией, особенно на Украине. Будь Настины предки украинцами, она звалась бы *Анастасия Воробей*, или, поскольку украинцы стали называть самое птичку по-иному, *Анастасия Горобець*. Между прочим, по-украински даже слово *прізвище* значит «фамилия», а русское

прозвище переводится как *прізвисько* или старым *назвище*.

Тем временем Воробьевы сели за стол, вечеряли. Беседа с житейских дел перепрыгнула на государственные. В устах подьячего зазвучала иная речь: «Мы хвалим за милость, яко же родихомся во царствии скипетродержания царского. Самодержавство изволением промысла почин прияше от великого князя Владимира, иже просветил есть Рускую землю святым крещением, и великого князя Владимира Мономаха, иже от грек высокодостойнейшую честь восприемшу, и храброго великого государя Александра Невского, иже над безбожными немцы победу показавшу, и хвалим достойнейшего государя Дмитрия, иже за Доном велику победу одержавшу».

Подьячий вздохнул и нараспев продолжал: «По грехом нашим князи и бояри учали изменяти. Власть, дворы, села, имения, самую казну малолетнего Ивана — все себе восхитиша. Ивану же осьмому лету от рождения тогда преходящу, сие положило есть яд аспиден, умякнуша словеса его паче елея, и та суть стрелы. Тела ради и славы мимотекущая душе погубил есть, яко же рече: а жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя. Егда же достигоше лета пятагонадесят возраста, пламень огненный царьствующий град Москву попалише и бояре наустиша народ, бутто царь чародейством сие учинил. Яко бы и его убити, но бях тогда в своем селе Воробьеве. Царь такие досады стерпети не мог, за себя есть стал. Ныне же в небытную ересь прельщен изменников всего лишае, от земли туне отгоняе и всех смерти предасть».

Гривна помогла понять:

— Предок, все горожане и довольны, и недовольны разделением страны на *земщину* во главе с

боярской думой и *опричнину,* подвластную только царю. Опричнина ведет к перераспределению земель в пользу дворян, к разгрому боярской оппозиции, к казням. Крепнущее дворянство, не сломленные еще бояре с думой, наместниками на местах: ох, хрен редьки не слаще! Но введенное правление через *приказы* разумнее. Суд вершат *губные старосты* из местных дворян, подати собирают *целовальники* (кто крест целовал государево добро блюсти) и *излюбленные головы* из посадских людей и государственных крестьян. Вместо дружин *дворянское ополчение,* ставшее с изобретением *огненного боя* и созданием отрядов *пищальников* грозным регулярным войском. Развивается землеустройство, а с ним математика, геометрия; путешествия дали толчок развитию географии. Успехи производства засвидетельствованы Царь-пушкой, отлитой Андреем Чоховым. Но безжалостны московская администрация и право, запечатленное Судебником 1497 г.; он ограничил право крестьян менять владельцев *Юрьевым днем* (26 ноября). Судебник 1550 г. подтвердил это право, а *указ о заповедных летах* 1581 г. его отменит, полностью закабалив крестьян за помещиками *крепостным правом.* Да ты же знаешь все это по учебнику. Или по поговорке: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!*

Настя задумалась. Языковые проблемы были ей сейчас интереснее всех остальных. Любопытно все это с приказным языком. Но как-то в стороне он от настоящего развития, в основе которого это ужасное двуязычие. Тот же Федор в жизни переходит с одного на другое язычие, которые различаются здорово. Единой нормы нет ни в морфологии, ни в фонетике, не говоря о лексике и синтаксисе. Книжное знают все образованные люди; оно общее — не то, что поп Григорий в XVIII в. один им щеголял (да и, видимо, не всегда правильно), а окружающие

едва понимали. Сергей Петрович знал, но не пользовался, понимал *свене, овогда*, но говорил и писал *кроме, иногда*.

Поглаживая Гривну, Настя отсчитывает вспять новые десятилетия. Мелькнула Русь Василия III и Ивана III, отца и деда первого русского царя Ивана IV Грозного. Русь, *Ро́сия*, как ее начинают называть, присоединила все русские земли — народоправства и удельные княжества, протянула границы за Урал, осваивает Сибирь.

Централизация, формирование народности и нации, рост общего рынка помогут московской речи вытеснить все остальные и лечь в основу общего литературного языка. Немалую роль играет деловой язык, в той части, в какой имеет живую основу. Но образцом для всех он не станет, а книжность, кажется, уже не выполняет все возлагаемое на нее, несмотря на желание ее возвеличить. Кстати, откуда оно? Надо посмотреть, как шло исправление книжное, возведенное с XIV в. в дело первейшего государственного значения, сопровождавшееся, однако, яростными спорами.

Старорусский язык: славянская письменность

Москва видна за десяток верст, восхищая взор своей возвышенностью и красою, сиянием куполов и башен. *Над Москвой великой, златоглавою, над стеной кремлевской белокаменной...* Вместо дворца — златоверхий терем, храмы совсем другие. Откуда Настя знает эту неизвестную, непохожую на привычную ей Москву? Наверно, из учебника, где говорилось, что стены Кремля, расширив его почти до сегодняшних размеров, возвел из известняка князь Дмитрий. Полтысячи лет складывают здания из белого камня подмосковных карьеров, до сих пор

продолжаются белокаменные традиции в районах новостроек. Воистину Москва не сразу строилась.

Перед Настей город, во главе с которым формально еще порабощенная Русь скоро вырвется из-под ненавистной пяты: в стоянии на Угре золотоордынцы не накажут, как задумали, непокорную Москву, но просто не решатся напасть на угрожающе противоставших русских воинов. Князь вот-вот бросит наземь и растопчет *басму* — знак послов хана в удостоверение их полномочий. Поворотная веха освобождения от ига, более полутораста лет обескровливавшего Родину хищническими набегами, позади.

Победа на поле Куликовом, подготовленная патриотическим переломом в умах и сама усилившая его, озаряет освободительный путь, определяет всю жизнь. Пусть преемник Мамая, ворвавшись спустя два года в неприступный Кремль через доверчиво растворенные стражами ворота, разграбил Москву и восстановил зависимость от Орды. Ордынцы нет-нет да и возьмут откуп от Москвы, но уплата вековечной дани прекращена, и неизбежность освобождения ясна для обеих сторон.

Настя знает, что недалеко даже присоединение к Москве самих Казанского и Астраханского царств. Она вспоминает, как 8 сентября 1980 г. смотрела репортаж из Колонного зала, где торжественно отмечался 600-летний юбилей битвы в междуречье Дона и Непрядвы, сама делала доклад в школе, сравнивая ее с Ледовым побоищем и Бородинским сражением. Она вновь горячо ощутила гордость: не выдвинуться б Москве вперед, не будь Куликовской победы.

— Да, Московское государство — ее итог, как белокаменный Кремль — ее предчувствие, — вставила Гривна, — Верой и правдой послужили его стены, но уже ветшают, устарели по устройству. Скоро, знаменуя окончательное свержение ига, нач-

нется грандиозное строительство, и появится с конца текущего века темно-красный кирпичный, привычный тебе вид.

— Каковы предки, москвичи! Сильны, решительны; язык свой создали. Четырежды освобождали Родину от иноземных угроз — от монголо-татарского ига, от польско-литовского нашествия, от французского вторжения, от коричневой чумы фашизма. Их грудь хлебнула огня, спасая и себя, и всю Европу. Что с Русью разрозненной стало бы, не будь их? Погибла бы...

— Нет, — запротестовала Гривна, — в исходе сомневаться нечего. Несгибаемый кряж русичи, нашелся бы другой оплот борьбы за независимость. Правда всегда побеждает, но помогать ей необходимо, и заслуги Москвы, в самом деле, трудно переоценить. Прокладывать непроторенные пути в вечность — ее большая судьба. Москва — это целый мир. Она хранит и несет русский характер, национальный дух, символ свободы и величия.

Что Россия без Москвы? — справедливый вопрос. Но что Москва без России? Великая страна питает столицу, оттого-то стала она великой. Хороша неискоренимая привязанность к земле предков, их культуре, обычаям и языку. Москва! Твоя родина, любимый уголок земли. Но нельзя жить только малой родиной, даже если это Москва. *Кусочек отчизны в огромной стране* — нет истинного патриота без чувства большой России, в которой мало жить первоначальным ощущением жизни. Чтобы не затеряться, надо и вперед заглянуть, и к прошлому обратиться, все ощутить. Тогда станет видно на все четыре стороны света, сиюминутный быт переплавится в вечное историческое бытие. Москвичи преодолели соблазн местного чванства и эгоизма, вознесли Россию к масштабности чувств всеобщей правды, к державности национального мышления.

Достойные твои предки сами героически творили настоящее и для этого умело славословили свое прошлое. Вот круг интересов, знаний, внутренний мир образованного человека русского средневековья — прямого твоего предка Демьяна Воробья. Сам он, правда, предпочитает звать себя Дамиан Врабий.

Почему? Да потому что так благолепнее. Он исполнен гордости и восторга, поглядывая на герб города — каменную фигуру *ездеца* — всадника на главных воротах белокаменного Кремля. Торжествует надменная формула «Москва — третий Рим».

Пусть и не столица Российского государства, лишь стольный град неостановимо возвышающегося княжества Московского, присвоившего себе уже титул великого и назвавшего своего князя *великим всея Руси*, она властвует над соплеменниками, покоренными вольнолюбием и отвагой, суровой собранностью москвичей. Она непререкаемое средоточие общих интересов, великорусской силы и власти. Она безоговорочно признана объединительницей пестрой мозаики маломощных княжеств, хранительницей национального достоинства, сумевшей пробудить самосознание и величественную роль русской народности. Не оправдывает ли это чувство величия и неповторимой ответственности?

Делами подтверждаем! Москва отбросила последние черты татарского улуса — зависимой провинции. Взгляните на самотечный водопровод, построенный в Кремле «осадного ради сиденья: на основаниях каменных водные течи аки реки текущия через весь Кремль град». Стоит башенный часник с гирями: «Сий же часник наречется часомерье — на всякий час ударяет молотом в колокол, размеряя и рассчитывая часы нощные и дневные, не бо человек ударяше, но человековидно, самозвонно и самодвижно, странолепно.

Рассказывая, прапрадед Демьян сам себе не верит: «не како сотворено человеком!» Настя поражена словами *часник, часомерье* — так вот откуда слово *часы* как обозначение устройства для измерения времени! Гривна шепчет, что изображение часозвони, башни с бьющими часами, есть в Лицевом своде. В этой же московской летописи упомянута и восхищающая рассказчика гордыня купцов-богатеев, замысливших построить себе дом, как строят только божьи храмы и княжьи хоромы, — из камня: «Тарокан купец заложи себе палаты кирпичны во граде Москве».

— Недолго и мостовые каменными сделать, — подпрыгивает от восторга Демьян, постукивая подошвами по деревянным мосткам улицы, в возможность которых не верил его родной дед.

Кремль не в состоянии вместить знать, не говоря уже о посадских людях, а приток все усиливается с присоединением новых областей. Богачи строятся на Великом посаде (сейчас Зарядье), и ремесленникам остается переселяться на Неглинную, на Яузу и Москву. Посад обносят земляным валом, который вскорости укрепят и назовут Китай-городом — от слова *кита,* как называют связки жердей, составляющих основание земляного вала.

Москва с полным правом насаждает повсюду нормы общегосударственной письменности своих правительственных учреждений. Она законодательница во всем, и ее язык становится модным и обязательным даже в бытовом общении. Конечно, и речь самих москвичей сильно зависит от окружающей среды. В столицу стекаются лучшие умы из разных областей, образуя котел, в котором перемалываются разные речевые навыки и выплавляются новые.

Как тут не поверить, что Москве суждено стать главою суверенного государства, которому решать судьбы всей Восточной Европы? Чему удивляться

после свершений Дмитрия Ивановича Донского? Разбил врага. *Сдумаша ставити город камен Москву да еже умыслиша то и сотвориша* — воздвиг Успенский собор и стены детинца, как раньше называли Кремль. Из него, из трех ворот, выступило русское войско, направляясь к Коломне, а оттуда на знаменитое поле. С ним шел и прадед Воробей, которого Демьян знал скорее по рассказам, чем по собственным воспоминаниям.

Позже этот любознательный непоседа *ходил с купцами:* на север — в Двинскую землю и на Печору, на запад — в Смоленск и Литву по сухопутной дороге, накатанной зимой, а летом ведшей по пням вырубок через едва покрытые гатью топи болот, и по Донскому пути — по Москве и Оке, потом волоком *по сухи* в верховья Дона и по нему до *устия Азовского моря,* до Керченского пролива, затем по морю Черному в Сурож. Сказывают, *умел глаголати гречески, татарски и даже половецки.* Он и жену себе из Крыма взял — обедневшую сурожанку.

Заметив, как Настя поморщилась, узнав, что ее предок женился на иноземке, Гривна сказала:

— Знай, что самый первый пращур твой породнился с угро-финнами. Москвичи — великорусы — ох, какая это непростая смесь! Но закваска в них вятическая. Вот и ты прямая кровная наследница пращура-вятича, первого москвича. Так и Москва, так и русский язык — очень разное связано в них кровно в корнях, в славе предков. Когда обращаешься к истории, в тебе говорит личная гордость и человеческая гордость — за свой великий город, талантливый народ, отечество и его богатую культуру, звучнейший и выразительнейший язык, вообще за человека-созидателя, творца всего сущего. И что за дело, какой он расы? Кто, как ни русский, всегда ценил чужую нужду в помощи, обласкивал заезжего человека? Русское радушие стало легендой!

Демьян тем временем раскрывает эпоху:

— Ох, купцы-иноземцы! Почуяв, что в Москве сходятся все нити хозяйства, как бабочки на свет, летят сюда. Стекаются все, ибо жить в столице если не легче, то на виду интереснее. Едут, покидая родину, на которую наступило Османское владычество, мудрецы из Византии, с Балкан. К счастью для славянства, Москва, предоставив приют и убежище зодчим, живописцам, хранителям сокровищ письма,

стала прямой наследницей, преемницей общей их культуры и языка. Она на века символ взаимопомощи славян — не меньше, чем символ нации только русской.

Демьян как раз состоит в услужении приезжих книжников. Освоив греческий язык и славянское письмо, он душой и телом предан притязаниям родного города на ведушее политическое и идейное влияние, пышность и великолепие. Как не восхититься ростом грамотности и образованности! С появлением бумаги и развитием полуустава книги куда доступнее. Москва не прекратит закупки бумаги за границей, и открыв свое бумажное производство.

Настя разделяет восторги предка, одно лишь ее смущает: введение в книги живой речи очень желательно, а современники Демьяна расценивают это как ересь, растление, порчу. Считая написанное священным, они отрицают право его нарушать — это богохульство, отчего и переписывают рукописи слово в слово, буква в букву. Не понимают, чудаки, что взрыхляют почву для двуязычия, усиливают языковую драму. В муках ревнительства святой старины, укрепляемой южнославянскими книжниками, затеняется значительность собственно русского языкового развития.

Как бы оправдываясь перед правнучкой, Демьян объясняет, что идет правка книг. Дело в том, что за долгие годы многих переписок и новых переводов в них нетерпимый разнобой, отход от подлинников. Храня чистоту древнего наследства, Москва вековечит деяния, жития и своих князей, изображая их прямыми продолжателями вечной славы после падения Рима и Византии. Для этого пригоден лишь истинно святой изначальный язык, чистокровный, на Руси, увы, подзабытый, испорченный, но хранимый наехавшими с юга богословами.

Рост мощи Москвы, централизация ею власти предстают как заданные историей; ореол исконней предопределенности укрепляет, благородит ее права. Вновь пишут утраченный было в XII в. *юс большой — красоты ради, а не истины:* ведь обозначавшийся им носовой звук давно совпал с *У*, и на Руси с XII в. пишут только *У* и *УК*. Теперь же каким-нибудь возрожденным ПѪТЬ тщатся вытеснить ПУТЬ, как и искусственным ПѦТЬ — ПЯТЬ, и будут это упорно и долго сохранять в церковном чтении-пении. Восстановили омегу, кси, пси, фиту, ижицу, за которыми тоже нет особых живых звуков.

— Будто специально, чтобы ошибок больше было! — возмущается Настя.— Сколько мучиться беднягам школярам с ижицей и ятем — как сообразишь, что надо, коль произносится одинаково! Древние богобоязненные писцы и то смешивали те же Ѫ, *ОУ*, *У*!

Демьян же в восторге от того, что резко увеличились сокращения под титлами. Нравится ему мода на неполногласные формы, что русским *невежа, свеча* предпочитают *невежда, свеща*, что узаконилось написание *братиа, всеа*, а также *слънце, влъхвъ, врьхъ, пръвое*, хотя уже древние русичи писали *сълнце, вълхвъ, вьрхъ, първое*. По нему хорошо, что неестественные правила охраняются строго — ради единообразия богослужебных книг-образцов.

Превозносить и ругать на Руси не знают меры. И чувство слова всегда преобладает над чувством жеста — психологическое переживание часто важнее действия. В моде слог изукрашенный, пышнориторический, получивший название *извития* или *плетения* словес. Обходя друг друга в словесной изощренности, витийстве и торжественно-панегирическом излиянии, книжники изобретают искусственные слова вроде *вертоград* (сад), синонимы, метафоры, цветистые сравнения и эпитеты: *огнезарный, златоструйный, храбосердый*. Причастия на *-ший, -вший*,

-щий (горящий, могущий) прямо-таки вытесняют русские на *-чий (горячий, могучий),* становящиеся прилагательными. Вместо *посадник* пишут *вельможа некий, властелин граду сему.* Все направлено на цель, кажущуюся единственно важной, — достойно повествовать о дворе и церкви, власти и вере, высоких материях, из коих наиглавнейшая — возвеличивание, прославление Москвы, величавой ее мощи, самодержавной пышности. Но самовосхваление не ослепило москвичей, выросших из московитян.

— Это-то и называл университетский лектор,— сообразила Настя,— акклиматизацией книжного языка на русской почве, вторым югославянским влиянием. Да оно перещеголяло первое югославянское влияние во времена крещения! Слава не знаю кому, что не удалось повернуть вспять колесо истории русского языка! Как же навредила нам эта бездумная реставрация славянщизны!

Здорово, что разрешат скоро писать, по крайней мере в приказных бумагах, кто как произносит. И сечь перестанут за отступление от глупых правил орфографии.

— Недурно бы и тебя иногда розгами попотчевать,— пробурчала Гривна.— Не забудь про полезные ужившиеся слова *громогласный, животворный, подобострастный,* про тьму находок искусного пера, приспосабливавшего русский язык к передаче новых идей, образов, отвлеченных понятий. И слепая лошадь везет, коли зрячий на возу сидит. Тот же приказной язык отсюда питался. Все не зря в этом языковом хозяйстве! Законы преемственности найдут приличествующее место и славянской книжности, которая помогла переводчикам не страшиться труднейших текстов, воспринять вековые богатства византийской культуры.

В своей истории ищут ключ к единству и независимости страны. Вместе с веяниями с Балкан,

новыми переводами с греческого, умножением книг она, как движущая пружина, служит подъему культуры, языка, живописи, архитектуры. Вспомни кисть Феофана Грека, Андрея Рублева, Даниила Черного, величавые храмы Кремля и Подмосковья, обширные летописные своды, своды былин вокруг Владимира Красного Солнышко. Русь, свершившая на поле Куликовом, казалось бы, невероятное, ставшая примером для всей порабощенной Восточной Европы, конечно же, преисполнена благоговейного восхищения самой собою.

Потому-то пышная запутанная манера речи вызывает у Дамиана Врабия трепет, раболепное преклонение перед величественными словами. Он ловко кроит из словес похваления услышанное житие Стефана Пермского премудрого монаха Епифания: «бесам проклинатель, идолам препиратель, мудрости рачитель, правде творитель, хотящий вся человеки спасти». Ни словечка о характере, конкретных делах, внешности приснопомнимого епископа, создавшего азбуку для пермских иноязычников (нынешние коми)! Зачем? Хвалословие и так поражает торжественным великолепием! Предок любовно повторяет восхищающее его место: «аще бо и многажды восхотел бых изоставити беседу, но обаче любы его влечет мя на похваление и на плетение словес».

Выражаться надобно возвышенно о теме, в кою ласкательством и угождением завлечен, и чураться реальных действий, обыденных слов — низки, недостойны они. Не о деле речь, а сама речь — дело! Мечтая отвлеченно, Дамиан вчитывается в «Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича». Ни о жизни, ни о смерти выдающегося полководца в нем ни слова; одни общие шумливо-условные фразы: «умом свершен всегда бываше, ратным же всегда в бранех страшен бываше и

многы враги встающая на ны победи». Даже о Куликовской битве сообщено кратко, невразумительно: «съступишася акы силнии тучи, блеснуша оружия яко молния в день дождя, ратнии сечакуся за руки емлюшеся и по удолием кровь течаше и Дон река потечаше с кровию смесився». На похвалы князю нагромождены самоуничижения автора: «аз же недостойный не возмогох твоему преславному господству по достоянию хвалы приложити».

Одно лишь деяние князя написано реалистично: «славеный град свой Москву стенами чюдными огради и во всем мире славен бысть яко кедр в Ливане и яко финик в древесех процвете». Москвичи всегда ценили и помнили добро, содеянное их городу!

— Когда же поймут, что коротко и ясно — оттого и прекрасно,— подумала Настя.— Долго самоумная неученость будет насаждать косноязычие, думая, что это и есть высшая красота. Сколько придется бороться с синтаксическими нагромождениями — нелепым беспорядком слов, терзающим ухо!

Тем временем, как соловей заслушавшись себя, предок забыл про все, расколдовал волшебство — «подал тремя персты мал кус хлеба пшенична и рек: зини усты своими, чадо, и разверзи я, приими сие и снежь». Настя же отверзла уста своя и снесть сие, *и бысть сладость во устех акы меда сладяй.*

— Вот и смейся,— сказала Гривна,— сама под чары этого языка попала.

Прямо перед очами — князь Дмитрий с подвижником одноименцем своим волынским воеводой прислушиваются среди широкого поля позади Дона и впереди Непрядвы, где водятся во множестве кулики. «И слышавше клич и стук велий аки торжища снимаются и аки грады зиждуще и яко трубы гласят. И сзади их волцы выюще страшно велми, по десней же стране бысть во птицах трепет велий, кричаще и крылами биюще и враны грающе и орлы

клегчюще по реце Непрядве». На русской же стороне тишина. Дмитрий Боброк, слывший прорицателем, шепчет: «Господине, княже! Это добрые приметы». Сойдя с коня, воевода припадает к земле и узнает другую суровую скорбную правду: земля горько плачет, будто женщина-мать о детях своих, голосит по-татарски, разливается в печали свирельным голосом русской девицы. Знай, княже, ты одолеешь врагов, но твоего воинства падет множество.

Настя напряженно вспоминает историю. Внук Ивана Калиты готовился тщательно. Заменив вотчинную мобилизацию территориальной, перестроил армию, ввел разрядные записи, фиксирующие полки, сам назначал воевод. Русь заслонилась полукругом каменных детинцев — кремлей. На *засечных чертах*, из *острогов* дозорные денно и нощно чутко всматриваются, не покажется ли в степи, вдали облачко пыли — татарская конница. Внеся в удельное своеволие князей и бояр государственный порядок, Дмитрий Иванович, смело опершись на черный люд городов и деревень, прекращает выплату дани. Привыкнув самоуправничать, Мамай посылает на непокорных карательную конницу, которая терпит поражение на реке Воже. Русские уже накопили, нарастили силы! Через два года известие: рассвирепев, Мамай сам в жажде мести двигается по степи на запад, рассчитывая объединиться с литовским князем Ягайлой. Этот Ягайла потом воскликнет о своем недальновидном союзе: «Почто язь в безумие впадох?» Да, Русь готова к борьбе с Ордой.

Нравственную помощь Дмитрию оказывает патриотически мыслящий игумен Троице-Сергиевого монастыря Сергей Радонежский. На трапезе перед походом князь, увидев двух чернецов — Пересвета и Ослабю, по виду сущих богатырей, просит: «Дай мне, отче, на брань этих двух иноков, они смышлены к воинственному делу». Вопреки установлениям духовник соглашается и благословляет всех на священную войну против иноверных. И вот, *сам крепок и мужествен зело и телом велик и широк и плечист и чреват, брадою ж и власы черн*, князь Дмитрий строит рать на Красной площади: положим головы, чтобы не взяли пришельцы городов наших, да не будем рассеяны по лику земли, а жены и дети наши не отведутся срамно в плен на глумление

ворогам. *И бе ему спреди солнце греяще, а сзади по нем кроткий и тихий ветр веяше.*

Расставшись с Москвой, войско идет не прямиком на врага, а на запад, к устью Лопасни, куда стекаются запоздалые *остаточные полки*. Изумительная дерзость, гениальный стратегический ход! Истолковав его как стремление ударить по литовцам, Мамай вынужден отказаться от соединения с ними. Дмитрий же тем временем объединяется у Коломны со всеми русскими ополчениями и великою силою переправляется через Дон, отрезая себе путь назад, чтобы не было возможности отступать: честная смерть лучше позорной жизни!

Великая битва на рассвете 8 сентября по древнему обычаю предварилась поединком богатырей. Пересвет съехался с Челубеем, и *спадоша с коней оба на землю и умроша. И бысть сеча велика!* Ордынцы в одежде темного цвета и нарядные русские полки сошлись в полдень. Колыхались стяги, светились доспехи ратников, огнем пылали позолоченные и посеребренные шлемы. Страшно видеть, как две такие силы идут на кровопролитие и скорую смерть. «Дерзайте, братие, с нами Русь!»

Яростный бой, в коем дралось 200 тыс. ратников, стал избиением Мамая — Мамаевым побоищем. Он длился с рассвета до вечера, и потери были неисчислимы. С русской стороны погибло несколько князей, 500 бояр и тьма простых воинов. Мамай опрокинут был и бежал со своими беками за 30 верст, до реки Красивой Мечи, оставив в ханской ставке богатые трофеи, шатры, оружие, табуны коней. Пошли по шерсть, а вернулись стрижеными. Русь великая *одолеша Мамая* на поле Куликовом.

Настя прониклась грустью по бессмысленно утраченным, бездарно потерянным столетиям, когда варварство, страхом и страданием иссушив душу народов, привело к вековой отсталости и рус-

И бе ему спреди
солнце греаше, а сзади
по нем кроткий и тихий
ветр веаше.
Умом
свершен всегда
бываше, ратным же
всегда в бранех
страшен
бываше...

ских, и татар. Но и после победы на Куликовом поле не стихал плач по убиенным: *грозно бо и жалостно, брате, в то время посмотрети, иже лежат трупы крестьянские акы сенные стоги у Дона великого на брезе, а Дон река три дни кровию текла.*

Печально. И красиво. Недаром утверждают, кто говорит тайным языком мудрости, тот говорит с богом; кто говорит простым языком, говорит с людьми. Демьян Воробей нет-нет да и забудет, что он Демиан Врабий, и заговорит по-человечески. Сожалеет о неудобовозможности по его образованию удовлетворить во всем пространстве обязанность повествовать святым языком о великих свершениях. Признается, что прибегает к словарям *неудобьпознаваемых речей* — азбуковникам, дающим переводные толкования: ИСПОЛИН — сиречь *силач*, КАЧЕСТВО — *естество каковому есть*, КОЛИЧЕСТВО — *мера есть колика*, САМОЛЮБИЕ — *еже к тому страсть и угодное тому*, СВОЙСТВО — *кто имать что особно*, СМЕРЧЬ — *облак дождевен*, ХУДОЖЕСТВО — *хитрость ремесла*, ЗЕЛО — *вельми.*

Настя удивлена: количество-то понятней, чем *мера есть колика*! Гривна усмехается: «ты, как и русский язык, жертва книжности». Первый список толкуемых и тем насаждаемых книжных слов дан в Новгородской кормчей 1282 г., а в XIII—XVI вв. азбуковников тьма. Более поздние учебные словари XVII—XVIII вв. еще показательнее прививают книжность далеко ушедшему русскому словарю: *исполин*, толкуемый как «силач», сопровождается примечанием *невежды глаголят быти сему богатырь!* До того дотолковались, что родное слово менее понятно, чем книжное, например: ЗОДЧИЙ яснее, чем *делатель храминам еже есть каменщик или кирпичник*, или

ПАРУС — чем *кормило ветреное*. И мода эта продолжилась на другой основе — иностранной! На вопрос сына, что такое улица *зодчего* Росси, современная мама, по свидетельству К. И. Чуковского, ничтоже сумняшеся ответила: «Зодчий — это по-русски сказать — архитектор!» Недаром сотни лет в России учили читать по Псалтыри, раз в твое время некоторые собственные слова менее понятны, чем книжные и иностранные!

— Извращенно мыслит. — Настина мысль вернулась к Демьяну. — За свои успехи кланяется дяде. У Москвы величие-де не потому, что своими делами его достигла, а потому что она, видите ли, новый Рим! Укреплять бы власть своей культурой и языком, так нет — в религиозном дурмане оживляют святыни, мертвые и чужие. Возвышение Москвы будто бы не достигнуто, а предопределено, и пафос его подпирают велеречием, ходулями книжного языка. А он (Настя вспомнила лекцию в университете) принадлежит к южным, в которых болгарский и сербский, тогда как русский, украинский, белорусский — восточные. Это разные ветви славянского праязыка, и на Русь книжный пришел как близкий родственник. Пришел да засиделся в гостях!

Москва не может быть Москвой, не будучи великой. Ее путь к превосходству честен, смел, прям. Решительности и воли не занимать, и она охраняет свою власть от любых посягательств на авторитет и абсолютность.

Гривна увещевает Настины недоразумения этим патетическим пассажем. И напоминает: указующий перст книжной мудрости определил неоспоримое превосходство нашей словесности перед всеми европейскими.

По Пушкину, у книжного языка чрезвычайно счастливая судьба: древнегреческий усыновил

его, открыл свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи. Сам по себе звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность. Развитой, тщательно обработанный, с богатейшим словообразованием, поразительной синонимикой, он так сильно влиял на местную речь, что впоследствии ученые сочтут, что вообще русский литературный язык — это и есть перенесенный на восточную почву южнославянский, только утративший в сближении с живой речью иноземное обличье. Вряд ли так, но значение его сравнимо со значением нашего собственного языка. Исконное родство (и чем дальше в древность, тем ближе) облегчало взаимодействие двух стихий и определило на века языковое развитие русского народа.

Язык книг был сложен, но понятен. Русичи не воспринимали его как чужой, а его отличия выглядели естественными особенностями любого книжного — образцового, сознательно отшлифованного и чуточку непонятного без изучения. Все иначе, когда простая повседневная русская речь претерпит собственную перестройку, да и книжность усилиями мудрецов изощрится. Разрыв между живым языком, который вспять не повернуть ни модой, ни указом, и книжным, формы которого насаждаются искусственно и надолго оставляют за собой победу как консервирующие приметы грамотности, усугубляется так, что и наступает двуязычие.

— Не один Дамиан — раб времени! Всем хочется выражаться по-писаному, ученость свою показать — и в твое время, — подытожила Гривна. — Оживление древних традиций на пользу культурно-хозяйственному расцвету, централиза-

ции, грамотности. Да, оно отклонило русский язык от прямого поступательного движения. Да, за этот золотой век книжно-славянского языка в России заплачено дорогой ценой двуязычия. Но оно и обогатило русский язык: усложнив его развитие, оно сделало его полнокровнее, плодороднее, богаче. Последствия разрыва двух исконных стихий, углубленного вторым южнославянским влиянием и не сглаженного приказной

письменностью, ценны и единственно делают русский язык тем, что он есть. И величие побед, и боль пережитого — все необходимо, чтобы русский язык стал русским языком.

Святость славянщизны, использованной хитроумными москвичами для возвеличивания своей власти, ради чего они готовы поступиться (впрочем, временно) и родной речью, — и тормоз, и стимул для возвышения великорусского языка. Собственно московская основа возобладает в нем, несмотря на все помехи (или благодаря им), и он останется самим собой, возмужает, обогатится, а невероятно долго сохраняемые в восприятии людей как правильные и авторитетные книжные черты окажутся, за немногим исключением, смешными для большинства людей. Но силу свою, свой опыт они передадут русской языковой культуре. Пленительная звезда учености и святости (написанное слово, как известно, не вырубишь топором) будет светить благосклонно и тогда, когда плен ее кончится, когда наш литературный язык окончательно перейдет от риторики к жизни.

Обращаясь к теме — оценке языка, свидетельницей которого была, Настя подивилась:

— Третий век положение вроде одинаковое. То одно язычие понятнее, то другое. Оба родные, если вникнуть и попривыкнуть, но непохожего на современную речь в обоих много. Чем дальше, тем больше. И тем меньше разницы между язычиями: в обоих *ОМ, Ы, ЕХ*, а *АМ, АМИ, АХ* редки и в разговоре. Но привыкаешь сразу, после неожиданности первой встречи...

Больше ей о языке говорить не хотелось. Она все еще была во власти величайшего события, ощущением которого живет Москва и которое будут славить — от «Задонщины» и «Сказания

о Мамаевом побоище» до гениального цикла стихов А. Блока «На поле Куликовом». Во всех описаниях битвы, в народном ее восприятии — похвала и жалость: принесла она радость великую и печаль большую. Не жалость, печаль утраты! Победа была нравственной: пали стены страха, но не стены тюрьмы. Иго иссушало еще сто лет душу народную, но вековой супостат бит был и бежал! Родилось светлое оптимистическое национальное самосознание, предчувствие грядущей славы.

Преисполненная возвышенности, Настя оказалась у *храма всех святых на Кулишках,* мимо которого идет торговая дорога на Коломну. По ней двинулась русская рать к Дону и вернулась с победой, в честь которой и воздвигнут, в память убиенных, деревянный храм, перестроенный потом в камне. Настя сообразила, что кулишки — ровное место, поляна, расчищенная среди леса, в ее время станут площадью Ногина, где до сих пор можно посмотреть мемориал: подлинные постройки времен Дмитрия Донского, ставшие потом опорой фундамента каменного храма и ушедшие за века на семь метров в землю, — дубовый сруб, бревенчатый настил, долбленое бревно — водопровод.

Насте чается взглянуть на 28-метровый чугунный памятник на Красном холме. Она знает пространство Куликова поля с перелесками, оврагами, дорогами, речушками, окаймленное Доном, впадающей в него Непрядвой и пересохшим Дубяком, лишь по кинофильму. Последние живые свидетели сражения — деревья Зеленой дубравы, где скрывался решивший его исход засадный полк, засохли в середине XIX в. В честь 600-летия события, в дни Настиной жизни, здесь заложили новую дубраву. Вот посмотреть бы! Да и па-

И бысть сеча велика!
Ломашася копии ако солома,
стрел множество аки дождя,
и пыль закрыша лучи солнечныи,
а мечи токмо ако молнии блистахуся.

мятник Мамаева позора — по сю пору стоит над излучиной Красивой Мечи невесть как попавший туда валун. Предание гласит, что это застывший на скаку ордынский конь.

Да, просторно поле, но, когда сошлись воины, не токмо от оружия, но и от великой тесноты задыхалися, яко не можно было им всем вместиться. Настя вновь попала под чары словес услышенного жития: «...сей убо великий князь родися от благородну и от пречестну родителю великого князя Ивана Ивановича, внук же бысть князя великого Ивана Даниловича, собирателя Руськой земли. Воспитан же бысть в благочестии и в славе со всяцеми наказании духовными, пустошных бесед не творяше и срамных глагол не любяше».

Слова, к Настиному вящему удивлению, текли вязью: «...и призва велможа своя и все князи и рече князем: лепо есть нам, братие, положити главы своя за отчину Руськую землю! И князи ему отвещаша: рекли есмя тебе живот свой положити. И срете злочестивого Мамая в Татарьских полех, на Дону на реце...»

Слава, гордость, величие! Русской душе благолепие и величание милее скучной пунктуальной аккуратности. Не мудрено, что прапрадед возлюбил высокопарность. И не звучнее ли Дамиан Демьяна? Настя *пригну руце свои к персем: почто аз преже тебе не узнах?* Ей захотелось перенестись к предкам, еще покоренным Золотой Ордой, не ведавшим о грядущих победах, не ощутившим со всей непреложностью своего главенства, своих сил для сплочения русских земель и развития своей государственности.

Она запела: «И врагу никогда не добиться, Чтоб склонилась твоя голова, Дорогая моя столица, Золотая моя Москва...» В веках будут жить храбрые твои сыны!

Древнерусский язык и отзвуки праславянского

Гривна терпеливо слушает пение, но не произносит свое гоп-гопля. На удивленный Настин взгляд отвечает:

— Это все. Возвращаемся.

— Как так? Ты же обещала...

— Рассказать про русский язык. И рассказала. Дальше уже другой язык — древнерусский, отец русского, украинского и белорусского. В XIV в. он перестает быть самостоятельным языком.

— Вот и давай доберемся до эпохи, когда праславянский был живым.

— Такого уговора не было. Для этого нужно другое путешествие.

— Но ты обещала, что мы посетим моих прямых предков вплоть до самого первого, до пращура. Который тебя выковал.

Гривне и самой, честно говоря, хотелось путешествовать дальше. Но... надо знать меру. Возвращаясь в сегодня, она все же решила рассказать Насте очень кратко о древнерусском языке.

— Знать — значит любить. Нельзя любить то, чего не знаешь. Древний лик Руси, вятического края поразил бы тебя и навсегда вошел в сознание волнующим чувством Родины, широким, как бескрайние российские просторы, и глубоким, как вековое бытие русского народа. Перемены языка отнюдь не старческие морщины, его движение не старение. Развиваясь, он даже молодеет. Вечное в скоротечном!

Но и древнерусский язык, а до него праславянский не были отсталыми или неразвитыми. Вспомни слова лектора в университете о прогрессе языка. Едва ли какой другой язык в мире может быть сопоставлен с нашим в той сложной истории, какую

он пережил. Машина времени раскрывает преемственность опыта русских людей и их соседей, которую обеспечивает язык. Как один и тот же персонаж в разных сценах и возрасте определяет свой характер, так и язык, веками применяясь к потребностям жизни, доходит до нас сокровищницей всей прошедшей истории нации. Язык хранит и бережет опыт, передавая завет и урок изначальной судьбы, смысла жизни. Язык — это народная память.

Языковые процессы связаны с природой, особенностями жизни, историей общества через свои внутренние механизмы. Ты посмотрела на развитие языка в городских условиях, в деревенских оно менее осознанное, инстинктивное. Это детство языка, когда эмоции сильнее разума. Да и в юности они неотделимы от ума, между ними нет конфликта и действуют впечатления от окружающего мира. Взросление языка связано с городом, именно с ростом городов развился древнерусский язык, выделившись, вместе с другими славянскими, из общего праязыка. Да и распад древнерусского, развитие его главной, великорусской ветви связано с превращением полудеревенского Москова в городскую Москву.

Однако русский язык перенял от древнерусского перворододное прямодушие, чувствительную красоту, природную образность и добавил к ним силу и логику, изощренность, гибкость, тонкую выразительность. Язык не только свидетель, но и участник жизни. Духовные ручейки, питающие реки народной жизни, порождают в нем нравственные ценности, делая его важнейшей частью национальной культуры. И язык определяет ви́дение мира с высоты хранимого в нем труда поколений, их нравственности. Русский язык — особый, животворящий, полный разума. В нем столько музыки и столько красоты. От природы заложенные неисчерпаемые силы помогли ему запечатлеть славную историю русского народа, пронесшего сквозь

века успехов и бед, радостей и горестей страсть к победе, думы о справедливости, жгучее стремление к свободе, веру в свое предназначение возглавить общечеловеческие преобразования. Великий язык великого народа!

Нельзя, конечно, сравнивать проповеди и княжеские речи на древнерусском языке с произведениями русских классиков, но и они прекрасны. Да и повседневный язык древних русичей был ярок, образен. Твои предки вплоть до XIV в. грамоты и письма не знали, но говорить умели. Если бы ты послушала своего дальнего, 28 раз прадеда по прозванию Гудошник! Как складно, умно, увлекательно рассказывал он про свои путешествия по городам Киевской Руси X в. Такие вот мастера устного слова и помогли ученым-летописцам составить великолепную «Повесть временных лет». От Гудошника ты бы услышала и семейное сказание о пращуре твоем вятиче, который с первыми поселенцами пришел на берега Москвы-реки и которого звали еще по-праславянски — Ворбь.

— Если нам с тобой когда-нибудь доведется еще попутешествовать, — Гривна совсем увлеклась, — мы заглянем к Кузьме Воробью, деду того твоего предка, кто юнцом сражался под стягами Дмитрия Донского, путешествовал с купцами и женат был на гречанке с Азовского моря. Ювелир-литец, он жил в Великом посаде, когда стены Московского детинца были еще деревянными. Он любил посудачить о том, что иго татарское не вечно и какой молодец Иван Калита и другие начальные собиратели русских земель вокруг Москвы. Он жалел, что единый со времен Киевской Руси древнерусский язык начинал распадаться...

Потом мы побываем в Москве, еще городе-деревне, накануне нашествия Чингиз-хана. В доме хромого кузнеца Акакия Воробья услышим первые особен-

ности в древнерусском языке, из которых потом родится московская да и вся великорусская речь: *был в МАскве, хАдил пА дАске, гАвАрил на А — кАрова да кАзА...*

Побываем еще в XII в., у Воробьев, которые кричники — выплавляют железо из болотной руды. А там и прямо к истинным вятичам — в их поселение Москов, или, как его еще называли, Кучково. Если древнерусский язык тебе отчасти понятен, то их речь, в которой слышны праславянские отзвуки, будет совсем темна, чужда. В ней, например, действует закон открытых слогов, отчего все слова звучат иначе, делятся на слоги не так, как потом (не *рас-те-ние, а ра-съ-те-ни-е*). Нет и противопоставления твердых и мягких согласных, зато есть не известные тебе гласные. Помнишь, о них университетский лектор говорил. Даже знакомое слово звучит так, что ни за что не узнаешь, да и значение у него часто совсем иное. О грамматике и говорить нечего — совсем другая.

Настя, наконец, улучила момент, чтобы перебить увлекшуюся Гривну:

— Расскажи про пращура. Почему его звали Ворбь?

Гривна помолчала. Свой ответ опять начала издалека.

— Процесс языкового развития неровный. Бурные перестройки, в которых язык нередко перестает быть собой и превращается в новый или несколько новых языков, чередуются с длительной дремотой, застоем. Как река, то плавно несущая свои воды по глади равнин, то низвергающаяся водопадом в горных ущельях. Он резко изменился в IX—X вв., переходя от праславянского к древнерусскому состоянию. Древнерусский язык развивался медлительно, сохраняя свою идентичность до XIV в., когда ускоренная перестройка привела к его распаду. В истории

великорусской ветви затем был период относительной устойчивости; потом опять наступила ломка: нового языка, правда, в XVIII в. не получилось, но все же качественное отличие старорусского языка от современного русского, как ты видела, очевидно.

Вот и праславянский язык довольно неизменно существовал столетия, а потом вдруг перестал быть адекватен сам себе. Славянская речь растекалась по всей Восточной Европе в VI—IX вв. Несущие ее племена в разных местах сталкивались с разными аборигенами; родные вятичи, например, с финноуграми. С кем поведешься, от того и наберешься! Да и родство забывается, если его не лелеять: с глаз долой — из сердца вон. Так вот и получился сам древнерусский язык, в параллель древнеболгарскому и другим на юге, древнепольскому, древнечешскому на западе.

Вот тебе один пример, как именно расходились эти языки. Когда-то праславяне, еще очень близкие ко всем индоевропейцам, имели слова *берг* и *борда* (у немцев и сейчас — Berg, Bart). Потом у них начал действовать закон открытых слогов: они как бы разучились произносить слог, если в нем нет на конце гласного звука. Так сейчас узбеки и другие тюрки не выговаривают *стол* или *встреча* и вставляют гласный призвук, разделяя по-своему слоги: [сЪтол], [вЪсЪтЪреча]. Славяне преодолевали трудность по-разному: южные удлинили гласный и переставили его — *брег, брада,* западные лишь переставили его — *брег, брода,* восточные развили второй гласный, полногласие — *берег, борода.* И слов таких очень много: *глава — голова — глова* (правда, в современном польском *О* здесь читается как *У* — [глува], хотя пишется glówa), *крава — корова — крова* (по-польски krówa), *млад — молод — млодый* и т. д.

щея
дети, тихо
нога
этот, сей
хлев, сено
сижу
трут
мука
шия
цей
хлів, сіно
сяджу
борошно
шыя
деці, ціха
нага
гэты
цэрь, цэра
брашно
ДРЕВНЕРУССКИЙ ЯЗЫК
ПРАСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК
СЛОВАРЬ
ЛИТЕРАТУРА
ИСТОРИЯ

Любой язык — система, закономерно связанная со смежными: отличная от предыдущей и последующей, она лишь видоизменение предшествующей и прообраз будущей. Перемени хотя бы точечку, картина уже не та, но здравый смысл сочтет ее новой, когда таких точек, штрихов, мазков накопится действительно много. Расхождений между речью славян к IX в. было уже столько, что они стали не понимать друг друга.

— А теперь ответ на твой вопрос,— с доброй иронией сказала Гривна. — В мире, который моложе тебя на тысячу с лишним лет, твоего пращура прозвали по имени птички, которую он напоминал своим веселым нравом непоседы, песенками и пружинистой походкой, — Ворбь. *Вербь — звербь, ворбь — зворбь* — так слышался древним звук, который ты сейчас изобразишь как *чик-чирик*. В этом слове неприемлемый закрытый слог тоже был преодолен: на юге стали говорить *врабь*, на западе *вробь*, на востоке *воробь*. Наверно, долгое время все славяне могли понять это слово, как бы оно ни произносилось: сами, скажем, предпочитали говорить *вороб*, подтрунивали над теми, кто произносит *враб* или *вроб*, но знали, что это старое и общее неудобопроизносимое *ворб*. Это потом забыли, и теперь не сразу сообразишь, что русскому *воробей* соответствует общекнижное и южнославянское *врабий* (у современных болгар *врабче*, у чехов vrabče), а также польское wróbel — так что, живи твои предки в Варшаве, была бы ты Настя Врубель. Между прочим, финны заимствовали у славян это слово в форме varpunen; и у них оно бывает фамилией.

Насте очень понравился Гривнин пример. Подумать только, какой древностью веет от ее, казалось бы, самой что ни на есть простой фамилии! Что же объединяет меня, москвичку Воробье-

ву, и пращура Ворбя? Клеточка, ген? Или хранящаяся века Гривна? Нет, нас всех объединяет чудо языка.

— Язык — не просто звуки, в нем труд, и пот, и муки, шум лесов, цветение поля, волны радости народной. В нем разум класса, кровь и воля от давних дней и по сегодня. В нем живет, скорбит, негодует, верит, смеется сам народ. Язык окрашен переживаниями людей и не внимает равнодушно добру и злу. Именно язык не дает народу рассыпаться, забыть себя. Во всем роль языка: в центростремительной государственности на общей территории, в цементирующей культуре, в объединяющем торгово-хозяйственном обороте, науке и технике, в общих социальных задачах и идеалах. Что было до меня на той земле, где я живу и где жили предки, что за язык их и нас объединяет, помогая сделать из земли то чудо, что зовется Москвою, Россией, Советским Союзом? Знать это — врожденная потребность человека, основа основ. Сколько сил, ума, труда вложено в наш род! И в Москву, в русскую славу, в русский язык!

Прозорливый ум давно отметил величие пространства, коим русский язык повелевает; отсюда вывел его великолепие — пристойное испанскому, живость — не хуже, чем во французском, крепость — как в немецком, нежность — как в итальянском, сверх того богатство, сильную в изображении краткость греческого и латинского языков. Эту ломоносовскую мысль развивал Гоголь и другие писатели, еще более и далее раздвинувшие русскому языку границы, показав все его пространство. По любви к отечественному слову они во всем блеске ума и таланта показали его изобилие, богатство, силу, гибкость, легкость в выражении нежнейших чувствований, каковые в других языках едва ли находятся.

зворь
ворь
зверь
верб
ворб-
-птица
ворб-
человек
ворб
wróbel
враб
Ворб
Воробы
Воробии
Воробьи
Брябин
Воробын
Алексей
сын Егоров ВОРОБЕЙ
ВОРОБЬЕВЫ

История языка, по их мнению, раскрывает характер народа, говорящего на нем. Свободный, сильный, богатый, он возник раньше, чем установились крепостное рабство и деспотизм, и представлял собой постоянное противоядие пагубному действию угнетения; он не потерпел ига татарского и владычества чуждых наречий в священных пределах своей словесности.

По Гоголю, сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумывает свое, не всякому доступное умно-худощавое слово немца; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово. Герцен считал русский язык гибким и могучим, способным выражать и самые отвлеченные идеи германской метафизики, и легкую сверкающую игру французского остроумия. Гоголь дивился драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название драгоценней самой вещи. Карамзин свидетельствовал: язык наш выразителен не только для высокого красноречия, живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности.

— Русский язык! — восклицал А. Толстой — Тысячелетия создавал народ это гибкое, пышное, неисчерпаемо богатое, умное, поэтическое и трудовое орудие своей социальной жизни, своей мысли, своих чувств, своих надежд, своего гнева, своего великого будущего... Дивной вязью плел народ невидимую сеть русского языка: яркого, как радуга, вслед весеннему дождю, меткого, как стрелы, задушевного, как песня над колыбелью, певучего... Дремучий мир, на который он накинул волшебную сеть слова, покорился ему, как обузданный конь...

Нет, не случайность, что русский язык стал всемирным, усилив свое и других славянских языков участие в историческом процессе человечества. Есть что ценить и чем гордиться! Есть что хранить и беречь!

И не в музее, на бархате, как Гривну. Язык живой, как жизнь, он меняется. Он хранит историю — в книгах, в памяти народной, в том, что принято называть душой народа. Из него выплывают *ярлык, аркан, ясак, поле Куликово, Бородино, Орловско-Курская дуга, колхоз, совет, спутник, мир, дружба.* И как хорош современный телевизор со старинным названием «Славутич»!

Настя подытожила: интересное ретро у меня вышло. Немыслимый ты город, Москва. Защитила, отстроила, объединила, возглавила. Всегда живет в москвичах ощущение, что все еще только начинается, что впереди за далью даль.

Вспомнилось пушкинское: «Бескорыстная мысль, что внуки будут уважены за имя, нами им переданное». Сбылось! И наш патриотический долг — беречь русский язык, заботиться о нем. Долг перед героическими предками и перед грядущими потомками. Нечего бояться: язык русский силен и смеет взглянуть на себя со стороны, высмеять свои недостатки. И Настя смеется над жаргоном Липочки, да и над своим собственным. Пора бросить эти *«возникать», «балдеж», «лажа», «нон-стоп»*... Культура речи — священный долг, почетное право советского человека. Уровень культуры общества зависит от меры его внимания к своей речи, от осознания проблем обращения с языком, от престижности лингвистических знаний. О культуре страны свидетельствует отношение человека к человеку, участие в общей жизни, обычаи ежедневного быта. И ревнительство языка.

Часы, по которым мы живем, отсчитывают второе

тысячелетие. Стрелка компаса знала отклонения, но вела по верному пути. Что сохранить из традиции? Чем мы сильны? Что мы сделали для себя и для всего мира, мировой культуры, человечества? Что язык наш взял у других и что им дал?

Осознать и знать историю, оглянуться, чтобы собраться с силами, новым взором на себя взглянуть, продолжить путь, раз он того стоит. Это необходимо для развития нашего языка, который мы обязаны передать как драгоценнейший дар потомкам. Это необходимо для поверки нравственности, которая нами движет в бурном океане всех современных проблем.

Как клятву повторяет наша героиня пронзившие ее слова великой русской поэтессы А. А. Ахматовой, написанные на гребне трудного военного 1942 года:

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

Содержание

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕДАГОГИКА»

Жизнь языка *Костомаров Виталий Григорьевич*

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Художник
И. В. Данилевич

Зав. редакцией
В. Ю. Кирьянов

Редактор
Н. Н. Габисония

Мл. редактор
Е. Б. Крышкина

Художественный редактор
Л. А. Бабаджанян

Технический редактор
Т. Е. Морозова

Корректор
В. С. Антонова

ИБ № 780

Сдано в набор 31.08.83.
Подписано в печать 18.04.84. А07347.
Формат $70 \times 100^{1}/_{32}$.
Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная.
Гарнитура школьная.
Усл. печ. л. 5,80.
Уч.-изд. л. 6,44.
Усл. кр.-отт. 23,70.
Тираж 200 000 экз.
Заказ № 2686.
Цена 40 коп.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 107847, Лефортовский пер., 8.

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

АБВГ

Истинный вкус
состоит не
в безотчетном
отвержении
такого-то слова,
такого-то оборота,
но в чувстве
соразмерности
и сообразности.

А. Пушкин

Ф

ЭЮЯ

40 к.

Читайте
следующую
книгу
серии
«Ученые —
школьнику»!

Какими качествами должен обладать человек, решивший посвятить себя науке.

- О романтике научной работы.

- О том, как трудный путь познания приводит от смутной догадки к истине.

- О том, как рождались и развивались важнейшие физические теории XX в.

Об этом и многом другом рассказывается в книге известного советского физика академика А. Б. Мигдала «Как рождаются физические теории».

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПЕДАГОГИКА»